250

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 19 МАРТА 1931 г. № 15 (114)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

ПЕРЕГРУППИРОВКА СИЛ

Некоторые критические «старатели», иногда выступающие под прикрытием «левой» фразеологии, а иногда лишенные такого прикрытия, — продолжают говорить о «КРИЗИСЕ» пролетарской литературы, и даже о кризисе советской литературы вообще.

Есть ли основания для подобных разговоров? Нет сомнения в том, что советская литература еще далеко НЕ ПРЕОДОЛЕЛА своего ОТСТАВАНИЯ от практики социалистического строительства. Нет сомнения в том, что—в разной мере и в разных формах—отряды советской литературы стоят перед НЕРЕШЕННЫМИ задачами перестройки. Нет сомнения в том, что вылазки классового врага на литературном фронте и буржуазные влияния в литературе далеко не всегда своевременно и последовательно разоблачаются, что значительные отряды литературного попутничества еще не преодолели идеологических шатаний и колебаний. Но бесспорно и то, что успехи социалистического наступления пролетариата и развертывание культурной революции масс создают НЕОБХОДИМЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ УСПЕШНОГО ЗАВЕРШЕНИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ советской литературы. Уже сейчас налицо ПРИЗНАКИ ПЕРЕЛОМА. Разговоры о «кризисе», выражая собою панику перед трудностями перестройки (а иногда маскируя откровенно-реакционные теории), обнаруживают непонимание действительного состояния советской литературы сегодняшнего дня. В ней нет «кризиса». Но в ней происходит ПЕРЕГРУППИРОВКА СИЛ. «Кризис» переживают лишь отдельные звенья ее, чьи мировоззренческие установки пришли в полное противоречие с новым периодом социалистической революции.

Наиболее НАГЛЯДНО признаки наметившегося перелома в преодолении отставания от практики социалистического строительства обнаружились в ПРОЛЕТАРСКОЙ литературе. Успешное проведение призыва рабочих-ударников, дальнейшая конкретизация генеральной линии пролетарского литературного движения, развертывание творческой дискуссии и творческого соревнования, перенесение опыта пролетарской литературы в смежные области искусства, — все это свидетельствует о том, что пролетарская литература уже преодолела НАИБОЛЕЕ ТРУДНЫЙ период, совершающийся ею перестройки. Одним из примеров этого является собрание актива Московской ассоциации пролетарских писателей 17 марта, показавшее, какой огромный шаг вперед сделана за последние полгода МАПП в деле большевизации своих рядов.

Точно так же нет никаких оснований для утвержденій о «кризисе» КРЕСТЬЯНСКОЙ литературы. Реорганизация общества крестьянских писателей в общество ПРОЛЕТАРСКО-КОЛХОЗНЫХ писателей не сводится к перемене названия. Она требует решительного изменения прежних форм и методов работы, перенесения центра тяжести из города в село, повышения внимания к массовому, начинающему писателю, ударнику колхозного наступления, значительно более полного теоретического осмысливания опыта движения. Крестьянская литература приступает к этой работе. Но ее кадры еще малочисленны. Она требует к себе усиленного ВНИМАНИЯ и прежде всего со стороны РАПП, до сих пор не повернувшейся лицом к крестьянской литературе.

Что же касается ПОПУТНИЧЕСКОЙ литературы, то достаточно сравнить ее нынешнее состояние с положением дел в ней год — полтора назад, чтобы констатировать значительное ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД. Стали отчетливее линии классового размежевания в ней. Проблема литературного союзничества стоит сейчас как проблема СЕГОДНЯШНЕГО дня. Несомненно, усиление тенденции в среде значительных групп попутничества к органическому включению в практику социалистического строительства,—хотя еще сильные обратные тенденции, сводящиеся к примиренческому отношению к буржуазной идеологии, — хотя некоторые группы попутчиков, сопротивляясь перестройке, тем самым приближаются к лагерю буржуазной литературы; хотя еще много отвлеченной, не подкрепляемой творческими делами, декламации о перестройке. Предстоящая в ближайшие месяцы ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВССП должна явиться переломным моментом в движении от литературного попутничества к литературному союзничеству,— она будет для ВССП историческим экзаменом.

Есть все предпосылки для успешной ликвидации отставания советской литературы от жизни. Намечаются признаки преодоления этого отставания. С тем большей силой должны мы развернуть САМОКРИТИКУ, тем более настойчиво должны мы указать на АБСОЛЮТНУЮ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ уже совершенной перестройки, тем более отчетливо должны мы сказать всем отрядам советской литературы, что они пока в самой малой мере справляются с теми задачами, которые возлагает на них начальный период социализма.

Подлинная перестройка писательства должна быть выражена в творческой практике, вырастающей на базе борьбы за мировоззрение диалектического материализма, на базе борьбы за новый быт писателя.

МЕНЬШЕВИЗМ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

НА ВЕЧЕРЕ ДОКЛАДОВ В КОМАКАДЕМИИ

В Комакадемии состоялся 14 марта устроенный РАПП и ЛИЯ Комакадемии вечер докладов о классовой сущности меньшевизма и литературной критике. После вступительного слова ак. А. В. Луначарского с докладами, широко развернувшими картину меньшевистской буржуазной методологии в теории и практике литературного движения, выступил ряд товарищей.

Об истории «фрейдовской» морали меньшевистской литературной критики говорил **И. Нусинов.**

— В свое время, после смерти Толстого, меньшевики в лице Базарова и Неведомского возвеличивали наиболее реакционные стороны толстовского творчества. Они провозглашали учение Толстого «единством цели и средств», тем самым оправдывая и присоединяясь к его непротивленчеству.

Что вся методология меньшевизма есть действительно своего рода непротивленчество, непротивление «злу обществ», превращение стихийного движения при отказе от сознательного овладения им — показал в своем выступлении **В. Ермилов.** Он выяснил, насколько тождественна методология меньшевистского планирования Громана—Суханова—Базарова с методологией меньшевистского литературоведения Переверзева.

Уже начиная с учения о разорванности генезиса и функции (у Громана—телеологии), учения, социальный смысл которого состоял в том, чтобы обезвредить науку, лишив ее классового остроя и заострённости,—Громан смыкается с Переверзевым. Громан также отрывал субъективное от объективного и под маской стрижайшего объективизма прятал определенно враждебный классовый субъект. Обожествление, мистифицирование производительных сил, было характерным и для теории Переверзева и у Базарова нашло свое отражение в его «принципном постулате», по которому все может быть изменено и принесено в жертву, единственно достойному—абстрактному росту производительных сил. Даже переверзевская методология истории литературы, изучения классовую природу стилей по вертикали, в борьбе от конкретно-исторической классовой борьбы—у Громана-Базарова нашла свое выражение в теории «замбезия», «сосуществования» пяти укладов нашего хозяйства. Вот почему В. Ермилов говорит, что как для переверзевщины не было марксизма, хотя выборгцев и старалось представить дело так, что в борьбе с формалистами, с кубиковыйной оно имело свои заслуги.

Тов. **Серебринский,** говоривший о Кубикове и кубиковщине на множестве примеров вскрыл об'ективистский характер учко-эмпирической «науки» Кубикова, которая даже в литературно-политических вопросах противопоставляет себя марксизму и ленинизму. Так, взамен задачи создания рабочим классом собственной литературы, Кубиков выдвигает задачу демократизации старого искусства.

Выступлением тов. **Вовсы** внимание аудитории было переключено на «дела зарубежные». Тов. Вовсы рассказал о некоем меньшевистском критике В. Александровой, которая в «Социалистическом вестнике» дает комментарии на тему о развитии нашего литературного движения. О Гладкове по «Натальи Тарповой»—В. Александрова пишет, что его произведения «чистых спецов», которого большевики не могут использовать; Угаславова из леноховской «Сети» она об'являет образцом «коммунизма, эксплоатирующего рабочих», и бросает упрек советской критике в том, что критика пытаемся превратить в «служанку» коммунизма...

Меньшевизм имеет свои отвествления и на национальной почве. «Бунд», например, сейчас стал откровенной социал-фашистской организацией. О его официальной идеологии, нашедшей себе отражение в литературе, говорил тов. **Оршанский.**

Вечер закончился выступлением тов. **Власова,** остановившегося на идеологической сущности философской концепции Базарова, сводящейся к махизму и богдановщиной.

КАР

ПЕРВЫЙ ПИСАТЕЛЬ ЛОКАФ

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ДМ. ФУРМАНОВА

Несколько месяцев назад в стенах этого же дома — Центрального дома Красной армии — оформилась организация ЛОКАФ.

Из идей, из которой возникло ЛОКАФ, идея мобилизации писательского пера на службу обороне революции — жила и раньше. Свое творческое выражение она впервые с особой яркостью получила в книжках Дмитрия Фурманова—краснознаменного комиссара Чапаевской дивизии, ставшего секретарем московской ассоциации пролетарских писателей.

*

— Скрещенные меч и перо изображены на могиле Фурманова, — говорит в своем вступительном слове **И. С. Гроссман-Рощин.** Там механически перо положено сверх меча. Но в творчестве Дмитрия Фурманова перо и меч скрещены не механически: они слиты в диалектическом единстве.

— Когда историки литературы из социалистического будущего будут оглядываться на наше время, творчество Фурманова [illegible] их особо заинтересует, — сказал выступивший затем **Л. Авербах.**

Дмитрий Фурманов — один из наиболее характерных, показательных, образцовых представителей нового типа писателя, писателя-большевика. Мы можем ровнять по нему наши новые кадры, в частности, рабочих-ударников, идущих в литературу.

Мы по поводам его творчества в каком, ибо пролетарская литература, пойдет дальше в своих достижениях, (и надо всегда помнить о том, что в своем художественном развитии мы должны превзойти по таких писателей, как Пильняк, а таких, как Толстой и Шекспир). Но Дмитрий Фурманов воспитывал себя как большевика и на своем пути к большевизму стал классическим типом пролетарского писателя, участвующего в практике своего класса.

Он был не только одним из лучших пролетарских писателей, он был и одним из лучших организаторов пролетарского литературного движения.

— В нашей старой налостовской группе мы иногда горячо спорили с Матвеем, — говорит Л. Авербах, — но всегда видели в нем одного из первых и лучших настоящих большевиков, пришедших на литературную работу.

А. Ивбах, как и ряд выступавших товарищей, призывает начинающих писателей учиться у Фурманова его упорному труду над словом, его большой требовательности к себе. От имени пролетариата и пролетарских писателей Германии вступил с горячей речью о Фурманове немецкий писатель **Курт Клебер.** С воспоминаниями выступили **А. Фурманова, Мата Залка** и товарищи — соратники Фурманова по дивизии — т. **Булыжкин** и т. **Вазов.**

— Фурманов прекрасно описал Красную армию эпохи гражданской войны, — сказал представитель ПУР т. **Родионов.** — Сегодня перед писателем стоит задача так же хорошо показать Красную армию в период мирного строительства. Путь писателей ЛОКАФ — это путь Дмитрия Фурманова.

Д. К.

К ПРИЕЗДУ МАКСИМА ГОРЬКОГО

Литературный музей публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и Общество содействия музею открывают 1 мая к приезду М. Горького в СССР большую выставку, посвященную его творчеству и революционной деятельности. Особое внимание при развертывании выставки будет уделено роли М. Горького как неутомимого защитника СССР, своим авторитетным словом разоблачающего клевету, распространяемую об СССР зарубежными империалистами.

Выставка собирает материалы, относящиеся к посещениям М. Горького по Союзу, а также все материалы, характеризующие связь Горького с различными участками нашего строительства: фотографии, письма, рукописи с правками Горького, воспоминания, протоколы и т. п.

Горьковская комиссия Литературного музея обращается ко всем организациям, учреждениям и лицам с просьбой о присылке соответствующих материалов. В частности, просьба дать сведения об отзывах на юбилей Горького в 1928 году, на его приезды в 1928 и 29 гг., а также о приветствиях, избраниях членом совета, наименованиях учреждений и других фактах проявления общественного внимания к писателю.

Фотографии и материалы могут быть оплачены. При невозможности получения оригиналов могут быть сделаны фотоснимки с писем, рукописей и других документов. Материалы следует высылать по адресу: Москва, ул. Маркса и Энгельса, 18.

М. ГОРЬКИЙ—ЧЛЕН СОЮЗНОГО СОВЕТА ЦИК СССР

Шестой С'езд советов Союза ССР избрал Максима Горького членом Союзного совета ЦИК СССР.

„СОКРЫТЫЙ СОЦИАЛИЗМ" И БОРЬБА С БЮРОКРАТИЗМОМ

ВЫСТУПЛЕНИЕ МИХ. КОЛЬЦОВА НА VI ВСЕСОЮЗНОМ С'ЕЗДЕ СОВЕТОВ *

Рис. И Рабичева

— Когда я слушал доклад т. Молотова и видел всю грандиозную картину огромнейшего социалистического строительства, которая развернулась на шестой, советской, части света, казались поразительными не только те цифры, которые приводились в этом докладе, не только отдельные великие достижения, но особенно те методы, те способы, которыми эти достижения получены. Единственная страна, единственная часть света, где громаднейшие успехи в индустрии и в сельском хозяйстве достигнуты не рабским, но принудительным трудом, а добровольным и радостным трудом громаднейшего коллектива, трудом стимулированного товарищества рабочих и крестьян.

На фоне этой самодеятельности, этого массового похода по ленинскому пути не хотелось бы обобщать и забывать об отдельных нежелательных спутниках, о непрошенных попутчиках, которые, правда, все больше отстают от нас, но все-таки идут за нами.

Ленинской традицией является не забывать на наших с'ездах о борьбе с бюрократизмом, о наметании остатков старых типовнитных порядков, которые еще цепляются за нас. Нужно ли говорить и здесь, на этом с'езде, о бюрократизме? Конечно, нужно. Бюрократизм еще сопровождает нашу работу. Сейчас бюрократ имеет уже другое лицо, чем раньше, он приспособляется к нынешнему времени.

Если, например, вы сейчас пойдете на двери кабинета дощечку с надписью «без доклада не входить», — вы такой дощечки не найдете нигде. Бюрократы знают теперь, что вывешивать такую дощечку на двери — не годится.

Одну из нынешних разновидностей бюрократизма я бы назвал «уравнительным столбняком». Этот уравнительный столбняк проявляется в том, что у нас часто при выполнении большой работы подходят ко всем отдельным частям этой работы с одинаковой меркой, с одинаковым масштабом. Если, скажем, какая-нибудь область, или край, или район должны выполнить хлебозаготовки на 100 проц., то вся энергия, все старание идет на то только, чтобы выполнить самую цифру в 100 проц. И если 100 проц. уже есть, — значит беспокоиться больше не о чем. А вот если взять эти 100 проц. да посмотреть, из чего они состоят, — то и выяснится, что один район выполнил хлебозаготовки на 120, а другой только на 50 проц. И вместо того, чтобы хороший район выделить, отметить, а плохой район взять под особое наблюдение, подхлестнуть его, — у нас в порядке «уравнительного столбняка» говорят: выполнили сто процентов, ну и ладно, можно всех амнистировать!

«Уравнительный столбняк» рождает циркулярщину. Если в какой-нибудь области есть 100 районов, то один и тот же циркуляр рассылается по всем этим ста районам. Возьмите Среднюю Волгу. Здесь как водится, идут хлебозаготовки; одни районы выполняют их лучше, другие хуже. Есть на Средней Волге Больше-Глушицкий район, который выполнил план на 116 проц. И вдруг они получают телеграмму от крайполевосдора: «Требуем немедленного об'яснения вашего позорного отставания по хлебозаготовкам». Откуда, зачем такая брань? Оказывается, крайполевосдор взял да разослал всем районам одну и ту же циркулярную телеграмму о позорном отставании. Или, например, Бутинский район того же края получает телеграмму: «Заготовляйте пеньки». Откуда пеньки в Бутинском районе!? Почему? Неизвестно. Попал пеньковый циркуляр. А вот Пензенский район — он известен давно как производитель пеньки, но из плана заготовки этот район почему-то выпал.

Другую разновидность бюрократизма следовало бы назвать «канцелярским футболом». Люди, сидящие в кабинетах, в канцеляриях, не имеют возможности заниматься физкультурой, так они заводят футбол на работе. Всякое важное ответственное дело они стараются от себя отпихнуть, перебросить в другое место.

Секретарь того же Бутинского района получает телеграмму от треста «Оснепевод»: «Под вашу личную ответственность предлагаем оперативно проследить за случкой овец» (смех). Вы представляете себе этого секретаря в зерновом районе? Занят он и коллективизацией, и семенами, и тракторами, и чем угодно, да еще изволь следить за случкой овец, да еще оперативно. Зачем посылается такая телеграмма? А для того, чтобы потом Оснепевтрест мог в отчете своем сказать, что мы-де в своей работе связались с партийной общественностью (смех, аплодисменты).

Вот другой пример «канцелярского футбола». Харьков, который всегда был большим заводским центром, сейчас превращается в гигантский индустриальный узел. Там электростанция начинает задыхаться с подачей энергии. Во втором году пятилетки потребность Харькова на энергию возросла на 60 проц. В этом году она возрастает на 67 проц. И в этот момент на электростанциях, которая и так не может увеличить своей энергопродукции, начинают при паровых котлах взрываться резцлоторы. Это — специальные приспособления к паровым котлам.

Электростанция обращается к харьковским заводам, машиностроительным и другим, говорит — «почините нам резцлоторы». Резцлоторы эти — заграничная штука, по их легко можно изготовить, а тем более починить на заводах Советского Союза и в частности в Харькове. Тресты и заводы отвечают: «Нет, обратитесь куда-нибудь в другое место». Электрики начинают молить: «Товарищи, почините нам резцлоторы, ведь положение такое, что рабочие уже боятся стоять около них». Руководители заводов непреклонны. И выходит так, что металлические резцлоторы гибнут один за другим, а вокруг них ходят двуногие, человечьи резцлоторы и не хотят побеспокоиться о том, чтобы как-нибудь делу помочь.

Занимается канцелярским футболом и в центре.

Вот вам московский автосборочный завод. Он собирает автогрузовики для промышленности и для сельского хозяйства. Для этих грузовиков нужны деревянные кузова. Раньше эти кузова делались на заводе «АМО» в Москве и на заводе «Спартак». Автосборочный завод просит эти заводы — «сделайте нам кузова». «Нет, не хотим, отправляйтесь куда-нибудь в другое место». И вот автосборочный завод с высунутым языком мечется по всей стране, ищет, кто бы взялся изготовить эти кузова. Наконец, Одесса сжалилась. Говорит: «ладно, мы изготовим эти кузова». И получается такое безобразие: из Архангельска гонят для кузовов лес, а мелкие кованые части, которые в Одессе изготовить нельзя, делают в Таганроге. Из Архангельска лес и из Таганрога детали свозятся в Одессу, а оттуда кузова волокут в Москву. Когда вмешались в это дело РКИ, то выяснилось, что и завод «АМО», и завод «Спартак» совершенно свободно могут изготовлять эти кузова. Все вернулось в исходное положение. Но мы потеряли из-за этого год.

А вот еще пример совершенно неслыханного «канцелярского футбола»: это переписка и волокита по поводу одного кило белого хлеба.

Здесь на Всесоюзном с'езде советов говорилось о миллионах тонн хлеба. Стоит ли говорить об одном кило. Да, товарищи, стоит. Стоит поднять это кило хлеба, ибо это символ еще немалого у нас бюрократизма, невыкорчеванных, старых, возмутительных методов работы. Есть город Калуга. Есть там бактериологический институт, который охраняет город от эпидемий. В этом бактериологическом институте, как полагается, есть медицинские мыши. Для этих мышей институту понадобилось одно кило белого хлеба. Он обращается в Калужский Деробкооп с просьбой отпускать ему одно кило белого хлеба в месяц. Деробкооп заявляет: «Мы этого кило хлеба не можем выдать без разрешения МОСПО (смех). Калужский бактериологический институт пишет вот эту длинную слезницу в МОСПО. Рассказывает, какую институт ведет полезную работу, как бережет он Калугу от эпидемий и почтительно просит, нельзя ли отдать распоряжение на счет кило хлеба. МОСПО протянул, перепугался. Может быть, есть какая-нибудь секретная директива, которая запрещает кормить мышей белым хлебом. (Смех). Начинают наводить справки. Резолюция: «согласно справки отдела регулирования, белый хлеб на корм мышей отпускать можно (смех). Подождите еще, товарищи. МОСПО, заготовив все нужные справки, чтобы не очутиться в дураках,—пишет в Калугу: «Прекратите волокиту, отпустите одно кило белого хлеба». Но Калуга не сдается. Калуга пишет ответ, в нем она сообщает, что отдел промпредприятий МОСПО не уполномочен разрешать вопрос об одном кило белого хлеба; этот вопрос относится к компетенции отдела регулирования. А еще пишет Калуга Москве: «Если вы хотите, чтобы мы отпустили одно кило белого хлеба для института, то, товарищи, уполномочьте нам лишь показатели потребности на необходимую институту норму хлеба и включите его в план снабжения». Вы видите, товарищи, какой феерически бездушный, отсталый бюрократизм еще сохранился у нас!

Остатки бюрократизма еще есть, имеются у нас еще и в довольно старой, но сохранившейся форме — в форме «административного восторга», который так сильно громил Владимир Ильич. Вы помните, как Ленин боролся с разными ненужными комиссиями, как он их разгонял, а они опять собирались, и он снова жестоко их разгонял. Эти комиссии еще в большей мере сохранились до сих пор. Они иногда даже принимают форму «рабочих бригад. Я только что из деревни и там мне воочию приходилось видеть, как эти комиссии бесконечно терзают и часто мешают низовым работникам своими бесконечными обследованиями.

Наш председатель сельсовета привык уважать высшие власти. Он не разбирается, не знает, что не каждые три человека с портфелями суть рабочая бригада. И вот к нему одна за другими по три штуки на день наезжают комиссии и тормошат его, — он всем оказывает полное содействие. Я сам наблюдал: приезжает комиссия... Взволжат,—бригада. Входит, спрашивает строгим голосом: «Как у вас насчет коллективизации?» — Так-то. «Какой процент?» — Такой-то. «Рабочий скот есть?» — Есть. «Запасные части есть?» —Есть. И потом, сразу более мягким голосом: «А нельзя ли самоварчик поставить? А насчет лишенки — нельзя ли?». Председатель сельсовета в свою очередь спрашивает: «Нельзя ли, товарищи, через вас колесной мази для колхоз достать?»—«Нет!» Отвечают: «За нами следом едет другая бригада, вы к ней обратитесь. А нам поскорее дайте лошадей, нам сегодня еще много сел надо об'ехать» (смех, аплодисменты).

Попытки администрировать над общественностью, подменивать рабочую инициативу бумажным приказом бывают не только в селе, не только в захолустье. Вот вам Ленинград. Вновь назначенный заведующий областным здравотделом т. Ламкин вступает в должность и об'являет в приказе за № 17: «Приказываю в порядке содействования и ударничества снизить заболеваемость на промпредприятиях не менее, чем на 10 проц. (смех).

Повидимому, т. Ламкин руководился благим пожеланием — бороться с симулянтами на заводах.

Товарищи, рабочие массы и колхозники не нуждаются в таких казенных бумажках. Наш рабочий класс и наши колхозники, бедняки, середняки выросли, они требуют не казенного, не бумажного, а подлинного, разумного, конкретного, оперативного, настоящего большевистского руководства строительством социализма. Мы теперь все знаем, что за бюрократизмом, за канцелярщиной, за канцелярским футболом, за «уравнительным столбняком» часто скрывается классовый враг.

Чтобы со всем этим бороться, нужно еще больше, чем до сих пор, орабочивать вашу советскую систему. Владимир Ильич в своей брошюре: «Удержат ли большевики государственную власть» писал:

«Силы сопротивления пролетариев и крестьян мы еще не видали, ибо эта сила выразится во весь свой рост лишь тогда, когда власть будет в руках пролетариата, когда десятки миллионов людей, раздавленных нуждой и капиталистическим рабством, увидят на опыте, почувствуют, что власть в государстве досталась угнетенным классам, что власть помогает бедноте бороться с помещиками и капиталистами, ломает их сопротивление. Только тогда мы сможем увидеть, какие неполитые еще силы остроя капиталистам таятся в народе, только тогда проявится то, что Энгельс называет «сокрытым социализмом».

Теперь, после кампании перевыборов советов, которая увенчивается настоящим с'ездом, после этой громадной подлинно-демократической проверки всего нашего государственного аппарата, теперь, когда центральной фигурой в совете стал рабочий-ударник и колхозник, после того, как обновлено руководство нашего Союзного советского правительства, — у нас наметился еще более бурный под'ем творческой активности масс и потому надо ждать решающих успехов в преодолении бюрократизма. Мы верим, что Советское правительство, избранное на этом всесоюзном с'езде, еще больше выявит и извлечет громаднейшие запасы энергии, активности, которые есть у трудящихся масс.

Тот «сокрытый социализм», о котором говорили Энгельс и Ленин, еще больше вскипит наружу и разольется широкой волной. На гребне трудового творчества рабочих и крестьян мы не только достроим фундамент социализма, мы теперь закончим все здание до самой верхушки. (Бурные аплодисменты).

* Выступление было напечатано в газетных отчетах о с'езде со значительными сокращениями.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД

ОТ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Творческий смотр ЛАПП.—Слет литкружковцев-колхозников.—Повторенные ошибки.—Оппортунистическая практика секции переводчиков.—„Специальность—Шекспир".—Монополисты новинок.—„Что это есть"

Идет творческий смотр рабочих литкружков ЛАПП. Первая «подготовительная» декада закончена. И уже «организационные дни» дали интересные данные. Если ранее мы только констатировали частичный отлив ударников из литкружков, районные тройки, в процессе подготовительной работы, зафиксировали конкретные случаи развала кружков по тем или иным, вполне устранимым причинам: смотр несомненно устранит эти причины и восстановит кружки. Обнаружен и ряд «диких» литкружков, возникших в результате роста массового пролетарского литературного движения, но не охваченных еще политическим руководством ЛАПП.

Все это — первые достижения смотра. Но все же первую декаду смотра нельзя признать удовлетворительной. Районные тройки недостаточно развернули свою работу; в ряде районов, например, отсутствует связь с партийными и общественными организациями; план смотра не доведен до каждого заводского литкружка (на «Красном треугольнике» до последних дней вообще не знали о смотре); вся масса писателей и литкружковцев, об'единяемых ЛАПП, не охвачена «генеральной проверкой всей организации и каждого члена в отдельности».

Необходимых темпов, четкости, плановости, конкретности—еще нет. Их надо добиться во что бы то ни стало. И не для того, чтобы волонтить смотр к календарным срокам. Дело, в конце концов не в календаре, а в глубоком и серьезном изучении, в тщательной проверке работы кружков, в творческом смотре, который действительно закрепит результаты призыва ударников в литературу.

Значение смотра — эквивалентное первым ударным декадам призыва ударников в литературу — рассматривается руководством ЛАПП как политический экзамен всему активу организаций. Для проверки исполнения в помощь общегородскому штабу ЛАПП, ленинградское отделение редакции «Литературной газеты» организует ряд рабочих бригад.

***

Мы уже сообщали, что призыв ударников развертывается и по линии ЛОКПП. И здесь уже встают во всей остроте вопросы закрепления совхозно-колхозных кружков. Опыт РАПП может дать ЛОКПП много возможностей избежать ряд ненужных и вредных ошибок.

Но ЛОКПП предпочитает учебе на основе опыта — учебу... на ошибках.

Кружковый сектор РАПП заранее выпустил неудачную программу для заводских кружков: она была немедленно осуждена секретариатом [illegible] раскритикована в «Литгазете». Программа ЛОКПП отличается от прошлогодней «университетской» программы РАПП тем, что если ударник завода посылался в «тайны», скажем, литературоведческих концепций Переверзева и Воронского на пятом занятии кружковца-колхозника с теми же теориями Переверзева и Воронского с «лефовцевой», как ликвидаторством искусства», ЛОКПП спешит познакомить уже на... первом занятии.

Сугубый академизм, формализм, схематизм — характерные черты покровской программы. И... «лефовщиной», как ликвидаторством искусства», пожалуй, очень быстро ликвидируешь колхозный кружок.

Поэтому товарищам из ЛОКПП надо быстро изменить свою программу для низового кружка и увязать ее с политической и конкретно-творческой работой совхозно-колхозного кружка.

***

Для закрепления результатов призыва ударников в пролетарско-колхозную литературу ЛОКПП созывает областной слет ударников-литкружковцев совхозов и колхозов. Такой слет созывается впервые в СССР. Он даст наиболее полную картину прохождения литературного призыва на селе. Литературно-политические доклады, учебно-инструктивные занятия позволят использовать участников слета за руководящей работе в низовых совхозно-колхозных кружках. Сроки слета предполагаются 15 апреля.

***

При ЛенФОСП существует секция переводчиков. Существует более года, но только недавно, новое руководство Ленинградской Федерации поинтересовалось, чем занимается эта секция, являющаяся одним из важных звеньев нашей связи с мировой литературой.

Мы не будем останавливаться на докладе тов. Брошниовской (секция переводчиков), сделанном на заседании секретариата ЛенФОСП и носившем скорее статистический характер, чем политический: «столько-то членов состояло, столько-то числится». Достижением секции тов. Брошниовская считает, например, то, что из 90 с лишним переводчиков — 16 приняты в профсоюз и обслуживаются месткомом писателей!!! Представление о секции дают факты, сообщенные тов. В. Владимировым (комиссия по обследованию секции переводчиков). Полнейшая аполитичность, замкнутость, академичность — характерные черты этой работы. Единственное политическое мероприятие секции—работа с иностранными рабочими (интернациональные бригады Дома печати) — комиссия по обследованию считает даже вредным, так как переводчики оказались абсолютно политически неграмотными. О социальном составе секции говорит наличие 16 процентов бывших дворян и полное отсутствие пролетарских элементов.

В секции нет ни одного коммуниста и комсомольца.

Связи с секциями ЛАПП не поддерживает. Переводы пролетарских и революционных писателей носят случайный характер. Масса переводчиков ориентируется на зарубежную буржуазную литературу и на иностранных классиков. Один из членов секции так и ответил в анкете: профессия — переводчик, специальность — Шекспир!!! Когда комиссия по обследованию хотела установить квалификацию отдельных членов секции, бюро секции отказалось дать необходимые сведения, составить квалификационный список («нам неудобно»!), и ограничилось разделением на «редакторов» и «прочих».

В секции имеются переводчики «монополисты», связанные тем или иным способом с заграницей, получающие оттуда литературные новинки, монополизирующие переводы этих новинок. Борьбой с привилегированными монополистами секция не занималась. Не велась и подготовка кадров; наоборот, вхождение в секцию молодежи оказывалось систематическое противодействие.

Чем же занималась секция? Ничем, если не считать замкнутых студийных занятий с ограниченным кругом лиц, на которых подвергались длительным дискуссиям такие актуальные вопросы: как следует перевести: «что есть это? — спросила мадам» или «это есть что? — спросила мадам».

Что есть это? Кто они суть эти мадам, сумевшие полностью выправить политическую и производственную сущность работы секции переводчика? Это, должна установить комиссия по чистке секции, выделенная секретариатом ЛенФОСП. Чистку предложено провести в срочном порядке и закончить к 15 апреля. Бюро секции переводчиков распущено.

Б. РЕСТ

Ленинград.

60-ЛЕТИЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

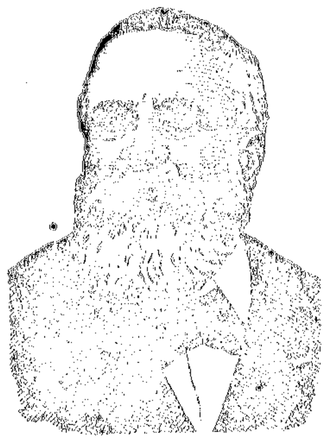
„ПРИ ВСЕХ СВОИХ ОШИБКАХ КОММУНА—ЭТО ВЕЛИЧАЙШИЙ ОБРАЗЕЦ ВЕЛИЧАЙШЕГО ПРОЛЕТАРСКОГО ДВИЖЕНИЯ XIX ВЕКА" ЛЕНИН

ПОЭТ—КОММУНАР ЭЖЕН ПОТЬЕ

После разгрома Парижской Коммуны, ее участником и баррикадным бойцом Эженом Потье создана песня, ставшая гимном первого в мире рабоче-крестьянского государства — «Интернационал». Автором этого одного произведения Потье остается в представлении не только интернациональных масс, но и товарищей, близко стоящих к литературе. На отсутствие литературы и подробных сведений о Потье недавно указывал Вл. Бонч-Бруевич в статье о русском переводе «Интернационала» («На литературном посту», № 2). Довольно прочно забыт Потье и во Франции, — это несмертная месть буржуазной республики ненавидевшему ее «гражданину Потье». Потье, таким образом, приходится «открывать».

Творчество Э. Потье неотделимо от революционной борьбы французского и международного пролетариата. Он родился в 1816 году в Париже в семье рабочего-упаковщика и с 13 лет занимался тем же тяжелым физическим трудом, что и его отец; в дальнейшем он переменил профессию, сделавшись разрисовщиком тканей.

В 1830 году, четырнадцати лет он написал свою первую песню «Да здравствует свобода!», а следовавшая затем июльская монархия с ее лозунгом «обогащайтесь», недвусмысленно призывавшим финансовую и торговую плутократию душить мелкую буржуазию и беспощадно эксплоатировать пролетариат, измученный восемнадцатичасовым трудом, давала молодому революционному поэту достаточно тем и мотивов. Некоторые его песни этой эпохи, например, «Пришло время, чтобы каждый получил должное» (1840 г.), получили огромное распространение.



В феврале 1848 года Потье был среди тех, кто поднял над баррикадой красное знамя. Этот год надо отметить, как критический в мировоззрении Потье. В эти дни, когда республиканский хмель затуманил в сознании инсургентов враждебность интересов борющихся в революции классов, Потье написал «Всеобщее голосование», искрящееся изумительной игрой слов и рифм. Этой песни Потье не перепечатывал в своих книгах, т. к. очень скоро—уже в марте—слишком пестрившие на домах лозунги «свобода, равенство и братство»,—республика буржуазии сняла маску и показала рабочим свою чудовищную харю. Стало ясно, что не республика с «всеобщим голосованием», а вооруженное восстание и революционная диктатура являются единственным путем раскрепощения пролетариата. Уже в том же 1849 г. в творчестве Потье прозвучал голос класса.

Мелет кому вся планета.
Стонь, мука бытия!
Горда накладой, разодета
«Гора» и «канея»!
Мешки на спину и чудовищ
Сбросьте не в пепел!
О песни,
Сбросьте их в пепел!
Есть армия и власть над нею.
Умеет генерал
Свернуть кому угодно шею,
Чтобы народ дрожал.
Но ведь солдаты с нами вместе...
Сбросьте в пепел!
О песни,
Сбросьте в пепел!

В поэзии Потье точно вырисовываются профили подлинных врагов пролетариата,—всех тех социальных сил, опираясь на которые президент республики принц Луи-Наполеон произвел 2 декабря 1851 года монархический переворот. Эту дату—«декабрьское преступленье» — поэт вспоминал неоднократно, и его революционная оппозиция Наполеону III длилась все время существования империи.

Естественно поэтому, что Потье принял участие в событиях, которые развернулись в 1870 году. 10 июня его подпись была на манифесте, адресованном немецким социалистам и направленном против войны, которой монархическая реакция хотела восстановить свой утраченный авторитет. Он остался в Париже во время Седана, был делегирован в Центральный Комитет, был избран в члены Коммуны. Весь период Коммуны Потье работал в комиссиях по делам, затрагивавшим интересы парижской бедноты — разрабатывал декреты о ломбарде и о квартирной плате, участвовал в организации Комитета общественного спасения. Избежав случайно расстрела Галлифе в майскую неделю, Потье эмигрировал в Англию и оттуда в 1873 году—за океан, в Соединенные Штаты, где продолжал, с неизменяемой верой в правоту дела Коммуны, свою революционную и политическую работу в «Социалистической рабочей партии». Опыт Коммуны дал поэту еще большую остроту социального зрения, с которой мы встречаемся в американских стихах Потье—по поводу «Всемирной выставки в Филадельфии» в 1876 году (поэма выпущена «социал-демократической партией рабочих Северной Америки»), в «The workingmen's party» * в поэме «18 марта», в сонетах. Эти произведения, а также стихи, написанные после амнистии и возвращения в Париж (1880), пожалуй, превосходят все раннее созданное: мастерство поэта-социалиста в эти годы достигает полной зрелости. Так в песне «Жан-бедняк», которой открывается сборник «Революционные песни», он поднимается до большой высоты — ему удается несколькими штрихами дать синтетический образ капитализма с его неизменным спутником — церковью:

От веры воронам доход,
Сгребают золото сутаны.
Их бог нас за руки берет,
Пока нам выворчат карманы.

. . . . . .

Грязь и неумолимый труд.
Окопезай или работай.
И с нами в стачку не войдут
Те, что в фуражках с позолотой.
Пример их нам глаза слепит:
Хранят семью и чистят дула.
На их войне мой сын убит,
Их роскошь дочь мою свихнула.

Для характеристики американского периода мы дадим хотя бы один отрывок — назвав „The workingman's party", который придана форма диалога символического мистера «Кофра» — несгораемого шкафа — и рабочей партией по поводу основных лозунгов: „tools belong to toil" — орудия производства принадлежат рабочим и „Production belongs to producer", — продукции принадлежит производителю.

„The workingmen's party" рождается во мраке,
Она растет, и пусть газетные писаки —
Два пенса — строчка! — все цепные псы пера,
Как свора гончая, срывается с утра.
Да, мистер Кофр взбешен — железный и упрямый,
Циничный бог, кому курятся фимиамы.
В Европе он и здесь хозяин всех морей,
И миром правит он, как фабрикой своей.
— Что? — прохрипел и близится к припадку —
Так это ты, босяк, бросаешь мне перчатку?
Как ты осмелился? Обратно, в конуру!
Под красным знаменем затеял ты игру!
Утопиями пьян, болтаешь о прогрессе?
Предполагаете собраться на конгрессе?
И выбрать Комитет? — Все кассы — на запор!
Да, я — стальной мешок и т. д.

Поэма кончается призывом:

Война всем палачам рабочих наших масс.
— Но это коммунизм! — Что ж, он устроит нас!

Особый интерес в творчестве позднего Потье представляют вышедшие в 1884 году его «Социально-экономические сонеты», которые характеризуют самое название. К сильнейшим из них, (наряду с «Бланки», «Гражданской войной» и др., главным образом, антирелигиозными стихотворениями) относится «Святая троица»:

Начнем с Религии: — Старуха, чьих гримас,
Чьих доги убожества пленит вас, простофили!
Сулит вам чудеса и пжет, склоняя вас,
И распростерты вы, подобно серой пыли.
И — Собственность: — Но труд — мои источник масс,
Домов, усадеб! — Да, твоей дивлюсь я силе!
Отчаянье труда твоих на тронет глаз.
Тобой ограблен он — его всего лишили.
И Государственность — монарх иль генерал!
Он внутренних врагов — и стене и — напоказ!
Когда ж война, он сам не переедет порога.
Святая Троица! Мы все в твоей петле!
Поп, ростовщик, жандарм — их трое на земле.
Ложь, воровство и смерть — вот триединство бога.

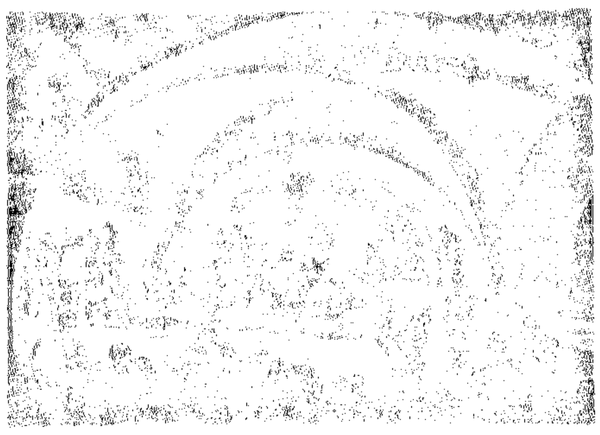
Потье бросал в массы свои песни, отпечатанные на маленьких листочках с штампом. Они становились популярными, мобилизовывали массы на восстание, но мало кто знал об их авторе. Только благодаря случайности (встреча с поэтом Видо) в 1884 году был издан первый небольшой сборник стихов Потье, и только благодаря затем и на средства товарищей-коммунаров были выпущены его «Революционные песни» (1887 г.), обратившие на себя внимание влиятельных тогда литераторов А. Рошфора, Сарсея, К. Дрейфуса и др. Это «успех» был предсмертным. 7 ноября 1887 г. Потье скончался.

За гробом Потье шли все коммунары и около 10.000 парижских пролетариев.

Литературное наследство Потье до сих пор не обследовано; книги его стали редкостью; на руках имеется, несомненно, много его неизданных стихов; не собраны также его речи, произносившиеся в Америке в годовщины Коммуны, в комиссиях, воспоминания и прочие «сырые», необходимые для исследования, материалы. Вся эта работа еще впереди и представляет не мало трудностей для осуществления. Но их стоит преодолеть, т. к. Потье действительно может считаться, наряду с Фрейлигратом и Вестом, которого недавно «открыл» Ф. Шиллер, подлинным предшественником пролетарской поэзии и одним из ее родоначальников.

АЛЕКСАНДР ГАТОВ

* Обычное название „Socialistic labor party" — „Социалистическая рабочая партия". Прим. Потье



Пленные коммунары в погребах Версальской тюрьмы

БИБЛИОГРАФИЯ

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

В СОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В советской литературе почти отсутствуют полноценные произведения о Парижской коммуне. Как правило, советские и пролетарские писатели не уделяли Коммуне внимания. В итоге — произведения советских писателей, посвященные Коммуне, не только неизмеримо ниже французских произведений того же рода в художественном отношении, но редко превосходят их и в смысле идеологическом. Коммуна отдана на растерзание иным халтурщикам и графоманам.

Примеры:

Повесть **Екатерины Замысловской** «1871 год». В каталоге издательства читаем: «Классовая борьба в Парижской коммуне», Классовой борьбы, сказано, в книжке нет и помину. Наоборот. Перед нами слащавенькая рассказ о том, как в мире и дружбе жил старый маркиз с рабочими, как посмянник этого маркиза добрый доктор, проповедывавший справедливость, погиб под пулями в дни Парижской коммуны.

Выдержки в 300 романа Эпве «**История одного коммунара**» принадлежит к литературе легкого чтения. Обычный любовный треугольник — он, она и третий, причем он и она парижские рабочие, участники коммуны, а третий — версальский солдат, перебежавший к коммунарам, конечно, из любви к ней. Все трое, конечно, умирают на баррикадах.

Очень плохая повесть Феличе «**Изгнанники новой Каледонии**», посвященная жизни участников коммуны в изгнании.

Автор рисует безмятежную, чуть ли не лучшую жизнь изгнанников коммуны, на острове, в стиле Робинзона Крузо. Попутно автор пытается разрешить и колониальный вопрос. Оказывается, можно туземцев на острове пользовать восстание под знаменем Парижской коммуны. Коммунары спешат поддерживать их восставших ветров, которые, если верить автору, «пламенеют от восторга перед красотами европейской музыки».

Во всех этих книгах нет, конечно, и попытки серьезного политического, экономического, классового анализа Парижской коммуны. Обычные литературные штампы обрамлены здесь знаменами, пожарами, баррикадами — только и всего.

Драматические произведения и инсценировки на тему о Парижской коммуне чрезвычайно многочисленны. По качеству их столь же низко. Вот, например, пьеса Я. Окунева «Парижская коммуна». Главным героем пьесы является... история — женщина седая и величественная, на голове которой сияет диадема с яркой пятиконечной звездой. В пьесе А. Гидоня «Звезда коммуны» некая натурщица сожжет своих любовников и вместе с ними погибает, защищая форт Коммуны, и т. д. и т. п.

Стихи, посвященные Коммуне, достаточно обильны. Особенно много вещей на тему о Коммуне мы встречаем у поэтов «Кузницы». Образович, Кирилов, Герасимов, А. Александровский посвящали Парижской коммуне по нескольку стихотворений. Как и вся продукция группы «Кузницы», эти строки отличаются расплывчатостью, чрезмерным космизмом, этакой-этакой революционностью и в наши дни никого удовлетворять не могут.

Поэты же младшего поколения (за незначительным исключением) проходят мимо Коммуны.

В последние годы художественные произведения, посвященные Коммуне, почти вовсе исчезают. Эта тема окончательно выпадает из «планов» наших писателей. Напрасно. Выдвинет политически и идеологически актуальнейшая тема. Выпадает одна из самых потрясающих исторических коллизий.

И. БЕР.

„КОММУНА" ПЬЕРА ДОМИНИКА *

По существу исторически установленных и исследованных фактов книга Доминика ничего нового не дает. Беллетристическая форма и некоторый динамизм сцены в отличие от обычного несколько дискурсивного исторического повествования, вместо того, чтобы сделать чтение книги более занимательным, придали ей только легковесный характер. Не скупясь на отрицательные эпитеты по отношению к большинству коммунаров, автор необдуманно подчеркивает, что в дни парижских событий был только один человек, который знал, чего он хочет, и этим человеком был Тьер. Несмотря на ироническое к нему отношение, Тьер вышел у Доминика каким-то большим стратегом и политическим провидцем... Указывая вскользь, что классовая борьба имела для парижских событий доминирующее значение, он все же старается выделить основную роль личности Тьера, приписывая ему какие-то макиавеллевские планы.

Доминик как будто намеренно забывает, что в борьбе буржуазии против коммунаров роль Тьера было чисто эпизодической и что весь вопрос тут заключается в объективных условиях и в отсутствии классового и целеустремленного руководства.

А между тем, вся первая часть или, вернее, две трети книги Доминика фактически посвящены роли этого маленького Наполеона в мещанском редуноте, и только с момента занятия Парижа версальцами ему частично удается создать подлинную атмосферу классовой борьбы. Перед ужасом казней, перед жестокостью и зверством, с которыми буржуазия и французская военщина расправлялись с парижским пролетариатом, он нашел настоящий выразительный язык и сумел набросать несколько потрясающих по своей патетичности картин уличных боев, сцен резней и расстрелов. Перед этим количеством жертв он заговорил человеческим языком. 40.000 расстрелянных для одного Парижа — это поистине потрясающая цифра, которую не знала ни одна революция во Франции. Буржуазия восторжествовала на ужасающей груде трупов.

По Доминику, может быть, не столько растрогал количеством крови, пролитой парижским пролетариатом, сколько напуган призраком наступающей социальной революции. И если он не скупился на кровию и дешевый сарказм по отношению ко всем коммунарам, за исключением, быть может, Варлена, Фарре и Домбровского, то от преемников французской революции и Парижской коммуны, от Маратов на тракторах и Делеклюзов на самолетах, пропеей не отделаешься: они его как будто по-настоящему пугают. Недаром он свой эпилог книги посвятил рождению Ленина.

И этот страх буржуазного писателя перед надвигающейся социальной революцией, несмотря на его либеральное сердолюбие за палачей коммунаров, сквозит на многих страницах его книги. В этом, пожалуй, основной интерес книги Доминика.

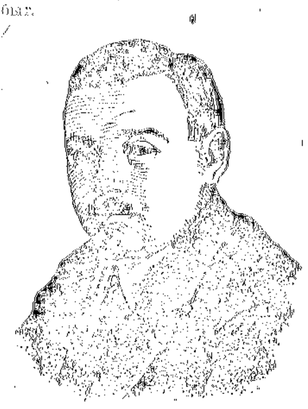
Б. В.

* На французском языке. Изд. Грассэ. Париж. 1930.

ЛИТЕРАТУРА ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

К 12 ГОДОВЩИНЕ ВЕНГЕРСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

После того как империалистическим державам удалось затопить в крови молодую венгерскую революцию, вслед за этим немедленно хлынул поток черносотенной литературы, которая всячески старалась очернить всю революцию и ее деятелей. Но эта клеветническая литература не имела никакого успеха. Даже знаменитый роман известной черносотенной писательницы Цецилии Тормай «Бегающая книга», переведенный на все европейские языки, давно забыт.



Бела Кун

Чрезвычайно характерно, что со стороны буржуазных писателей, за все 12 лет, отделявших нас от провозглашения советской власти в Венгрии, не было за одного серьезного опыта созданы хоть сколько-нибудь ценного произведения. Только изредка мелькают описания «крупных личностей»: Белы Куна или Самуэли. И это — все...

Еще самозванцнее молчание социал-демократов. И то и другие имеют для этого достаточно оснований. Зато эти причины замалчивания легко установить по любому из произведений венгерских пролетарских писателей.

Первая повесть о венгерской революции «Красные и белые» покойного Иоганна Лекам (Иоганн Лассеи), появившаяся в 1920 г., была сплошным обвинением против неслыханного предательства социал-демократов.

Через три года появился рассказ Йозефа Гетаи «Один день», где автор красочно описывает трусость и мерзость правящего класса Венгрии, который только на сигнал «венгерского врага» — румынских опричников — посмел напасть на Красную армию.

Кроме этого, о периоде разгула белого террора, имеется еще дневник комсомольца Петера Моора «Не сон, а явь».

Нельзя сказать, что названные произведения повлекли за собой какие-нибудь большие политические последствия. Лекай, ранее умерший организатор венгерского комсомола и один из основателей КИМ, пробрался потом в Америку, где он в отчаянной борьбе с Ку-Клукс-Кланом «нажил» себе смертельную болезнь. Он был настоящим революционером-профессионалом, и времени для писания у него оставалось очень мало, отсюда некоторая внешняя грубость формы и художественная неотделанность, от которых ему удалось освободиться только в его позднем романе из американской жизни «Рабы и господа». Гетаи, который находился под сильным влиянием Либединского, безусловно пытался механически приспособить русскую жизнь к венгерской действительности. Третий из них, Моор, хотя и имел некоторые успехи, но его тематическая узость и несовершенство обработки материала, при журналистически схематической трактовке, значительно ограничили его политически действенный кругозор.

И только с возвращением Анатоля Гидаша венгерская пролетлитература обрела мощный поток свежести и возросла до подлинной целеустремленности и ударности политического фактора. Его первый сборник стихов «В стане контрреволюции» обозначает крутой переворот в пролетлитературе Венгрии. Для того чтобы полностью понять политическую значимость появления Гидаша, надо себе всеобъемлюще представить венгерскую действительность: шесть лет беспрерывного надругательства над революционным пролетариатом, — и вдруг, маленькая книжечка, написанная совершенно новым языком, с незнакомым со времен великого Петефи размахом и силой воздействия на массы.

Первый роман о венгерской революции увидел свет только в 1929 году по-русски и лишь год спустя вышел на венгерском языке. В нем, как и в первом томе «Гнева горит» Бела Кунса, Эта книга, являясь пролетарским эпическим произведением венгерской литературы, приобрела уже мировое значение. В нем автор дает мастерский анализ событий с 1918 — 1919 гг. в Средней Европе. Впервые появляется в литературе настоящий, живой большевик «Эр русского образца». Второй том описывает исчезнувшую Венгерскую революцию в интернациональном разрезе и развертывает широкую картину героической борьбы рабочих и крестьян Чехо-Словакии во время советско-польской войны. Особое внимание Б. Иллеш уделил борьбе за основание и укрепление чехословацкой компартии.

Матэ Залка работает сейчас над романом из жизни венгерских военнопленных, откликнувшихся на призыв Октябрьской революции и образовавших отдельные памятные интернациональные части Красной армии времен гражданской войны. Судя по уже появившимся на венгерском языке отрывкам, можно надеяться, что это произведение дополнит начатое Гидашем и Иллешем дело утверждения венгерской пролетлитературы.

«39 бригада» Карикаша (сборник рассказов), несмотря на некоторую спутанность сюжета, радует читателя свежим языком и бережливым подходом к описанию своих героев. Его «Иван Барбей», так же как несколько сильных рассказов Эмиля Мадараса, имеет не только литературное, но и политическое значение. Впрочем, еще до появления Гидаша, Мадараса вышел несколько хороших пролетарски насыщенных стихотворений (например, «Чепель») и по сей день оставались в рядах венгерской компартии, Мадарас не отстает от темпов пролетлитературного движения.

В конце 1930 года появился еще один интересный роман о Венгерской революции «Героический район» рабочего Лайоша Кише. Его правдивое описание событий, богатый материал, коммунистическое мировоззрение, несмотря на некоторые длинноты, заслуживают гораздо большего внимания, чем то, которое было уделено ему нашей печатью.

Этим кончается перечень значительных произведений, посвященных первой Венгерской революции. Но, как справедливо замечает т. Бела Куна в предисловии к «Гнева горит».

«На полях, исчезающих плугом нашего советского правительства, орошенных кровью нашей Красной армии, уже зреют семена новой революции... И вот поэтому миссия наша, пролетарских, очень благодарна. Мы должны писать о нашей революции для мировой революции. Венгерская пролетарская литература уже участвует в классовом руководстве нашей революцией, и с таким сознанием мы должны продолжать писать».

Венгерские пролетарские писатели этот долг выполняют.

Тут следовало бы остановиться и на тех писателях, которые живут в условиях теперешней Венгрии, но, к сожалению, там сейчас мало пролетарских настроений, на которых стоило бы остановиться особо.

Анатоль Гидаш в своей, к сожалению, по-русски еще не переведенной поэме «Второй подполье», спаянная и поддерживает с необыкновенной силой борьбу с ликвидаторами и оппортунистами.

Недавно освободившийся из тюрьмы Мозеш Кахана пишет по-русски и находит время, чтобы уделить в общей борьбе за освобождение рабочего класса Венгрии.

Алаар Кожи, поэт деревенского венгерского пролетариата. Шандор Варга, Янош Балог, Иван Девятси, Елисавета Уйвари, Шандор Шарло и другие, — вот целая плеяда писателей, которые, каждый по мере своих сил и таланта, способствуют торжеству пролетарской революции и победе над венгерской буржуазией.

ГЕЙНЦ КАГАН

А. Л ЖИЕВ

ЯВЛЕНИЕ ФАБРИКИ *

Чем больше вы ходите по Бобруйску, тем более осложняется ваше первое впечатление. Перед вами как бы два города. Один — безумный, созданный фантазией торговцев и жандармов, странное сумасшествие кирпичных коробок, оскорбительная геометрия сортиров, дифференцированных в жилые дома, синагоги, магазины, гимназии, бреч казенщины и лавочнической бездарности. Другой — грустная и бедная старина яблоневых садов за достатными заборами, широких немощеных улиц, золотых от пыли, когда на закате возвращается стадо, лирика маленьких домиков со ставнями, — провинциальная, скудная, немощная сердце игрушка запнувшего в раковину, в одиночку теплого существования. На порыв, на дерзость, на мысли! Вы открываете новые кварталы, сплошь тихие и сплошь деревянные. Гусь и свиньи тонутся у подворотни. Люди сидят на скамеечках и грызут семечки. Боты гуляют табунками. Улица деревенькою уходит в поле и там постепенно сходит на нет. Сильна она оберется деревней, потом хутором; опять хутор — другой, — а вы уже нет хуторов, нет улицы: поле да сыпучий песок Белоруссии, расстелен серый песок, в котором тонет нога. Один песок проводит вас за границу города, как вежливый хозяин провожает до двери гостя.

Дома и сады дают тон широким кварталам Минских планов и Берзанских фортпостов, растекшихся по какому блюду подлежной равнины. Здесь не жалеют пространства: его много. Но здесь знают только два его измерения: ширину и длину. Высоты отсутствуют. Город стелется одно по земле, как зверек. Это — город предместий неоштукатуренных фирст, деревянных тротуаров, рассчитанных для дождя и луж. «Улицы» и «фортпаты» — от кривости. Но от кривости — только названия. В самих улицах нет ничего кривого, ничего сложного нет. Они домики и заборчики. Им хотелось крикнуть: подбери живот! В их робкой и грустной неопределенности — все прошлое затрапезной, захолустной, захудалой страны. Она любила о целом свете и хотела бы, чтобы и о них никто не помнил. Посмотрите, как они застроены: все жилые дома, и ни одного здания для потребностей общественного человека, которые молчаливо признаются несуществующими. Мы не можем уже себе представить жилого квартала без клуба, библиотеки, театра. Мы с трудом понимаем как это люди могли жить столь распыленно в растеклено. И когда мы встречаем эти лоскутные костяки городов, мы глядим на них с недоумением. Как же нужно было систематически отшибать у человека его простейшие социальные инстинкты, чтобы получился такой обрубленный? со всех сторон обязатель, тулонцо, личина, которая бы своей охотой залезла в эти глухие деревянные раковины!

Мир «планов» и «фортпатов» завертелся в себе. Прошлое Белоруссии запечатлено в нем может быть лучше, чем в каменных Минска и Полоцка, именно в силу его безмятежности, его глухой, безпорожной, тупиковой грусти и заботности, которая рассказывает самым веским и выразительным языком о судьбе этого обнищенного, угнетенного края. За домами сегодняшнего дня — и отчасти еще живут — ремесленники, огородники, мелкие домовладельцы, учителя гимназий и синагоги,— однообразно-пестрое кладбище городской бедноты и служилой интеллигенции. Теперь за Минским шоссе, за краем окраины, возник лесокомбинат. Тишина улиц нарушена автобусом и грузными лесовозами, спешащими на работу для возникающихся в нее. О, она еще не сломлена, эта деревянная, густая тишина: она отхлынула в боковые проулки, она перелезла за заборы в заколыхала на ветках отдельных яблонь, у чье еще мелькают силуэты синяков, — до круг их встречается сумасшедшей. Но нарушена не только жизнь улиц, а и стиль жизни: в домах появились рабочие, разбившие отсутствующие их мещане.

Дома сожгли. Они лгут своими фасадами и ставнями, заборами и скамеечками. Они лгут систематически и планомерно. Они застилали даже лгать деревья и кустарники, покрывая их мечтательной листвой свои кущие мысли. Надо иною учидеть город.

В Бобруйске, городе плодовых садов, вместо городского сада — фруктовый сад. Низкие деревья расстилают над травой широкие кроны. Тонкие, светлые стволы чередуются в пелагическом и наивном порядке. На ветках висят яблоки. Освещение и тонка делают это зрелище чудным.

По напрасно вы мечтаете пробиться. Плотная пробка людей закупорила вход. Толпа напилила на музыку, нависла на ней, как пчелиная гроздь, как огромный, спрессованный рой. Забит не только тротуар, но и мостовая. Вблизи вы видите, что рой весь находится в беспрерывном движении своих молекул, — он кипит, образуя пузыри и мелкие вихря.

Вы обходите его, делая большой круг. Вы снова попадаете в полосу мрака. Почему здесь люди так толкаются? Вот сейчас эту паротку чуть не сшибли с ног, а ведь на тротуаре места было достаточно. Ни у кого не возникает мысль посторониться, держаться правой стороны, избежать столкновения. Каждый толкает другого так, как будто хочет доказать какое-то свое право толкаться. Бобруйчанин сейчас не спешит на работу; он гуляет. Ему незнакомо чудовищное перенаселение столиц. Ночь, запутавшаяся в листве каштанов и простенков домов, темна и тепла почти по-южному. Казалось бы, ничто не способствует раздражению. А голоса резки, а локти остры. Но это — не раздражение. Это — другое. Вы прислушиваетесь к голосам: в них звонов и молодечества. Вы начинаете понимать: молодой бобруйчанин, толкая вас, показывает свою удаль, утверждает свое достоинство, делает заявку на взрослость. Он нарочно говорит слишком громко, чтобы вас было видно, какой он молодец, — «мужчина» или парень, что надо. Он старается быть непринужденным и развязным. Ваша память вдруг отчетливо воспроизводит его образ. Это — старый знакомый. Он и прежде задевал вас ночной улице. Если русский город, в числе прочих продуктов, вырабатывал хулигана, то еврейский — «босяка». Босяк в еврейском понимании — босяк особого рода. Это — человек, сошедший с рельс прагматической жизни, нарушитель нормы, пустошит. Его звание рождается в бильярдной и пивной. Он бегает за девочками, он отлынивает от работы, он нахален в обращении. Это — босяк, как моральная категория. Это — то, что кажется предосудительным человеку старого закала и чем тот измеряет разложение устоев. И действительно, он возникает там, где «устои» стали разваливаться. Он — живой знак распада традиций еврейского мещанства.

Но как же еще жалуча старина, если мог сохраниться, форсить и кому-то импонировать теперь уже вовсе разнеженный и обессмысленный «босяк»! Прежде чем вывод этот представится вам со всей определенностью, вы вступаете в какой-то второй сад, тоже фруктовый, как все сады здесь, и расположенный в ограде бывшей церкви. Теперь он открыт для публики и в нем поставлены скамейки. На скамейках симметрично расположились парочки — по две на каждой. Темнота и условность опускают между ними занавес: они одни. Тишина, сложенная из множества шорохов и полотов, влажна, сыровата, классическая лепная типична свиданий и любовных стихов. Вы поворачиваете, следуя течению дорожки, — и вот за поворотом, за тишиной и влажностью встают торжественные, как алтарем, ярко освещенные окна. Они совсем близко, наискосок, надо только перейти мостовую. На темной улице с ее редкими фонарями они для еще оставленный вами покоя городского сада — единственный очаг света. Как будто бы весь свет, который полагался на большую улицу, выплеснули в эти два пункта, оставя остальное досуга, до темноты. И после мрака свет звучит великолепно и патетически. Вы идете на его трубный голос — и вы оказываетесь перед двухэтажным зданием шелейной фабрики. Окна раскрыты от духоты. Электрические лампочки ослепительны. Тот же голос, который вначале гонял вас, прилип сейчас к тротуару лесенки до ней. Положенная на уровне человеческого роста, и вы можете видеть все до мельчайших деталей, как будто бы вы находились внутри помещения. Вы не можете сказать, что больше останавливает ваше внимание: то ли, что делается за окнами фабрики, или эта толпа, прилипшая к окнам? Она беспумна в сосредоточена. Изредка только какой-нибудь рабочий переклинется слезами с ненадолго для вас знакомым и условится о встрече. Это — не толпа, а еще любопытные, а заинтересованные люди.

Зрелище захватывает их и, вероятно, кажется немного фантастичным. Волшебный пояс одним движением производит то, на что несколько поколений понадобилось бы, по крайне мере, несколько часов. Он моделирует, как глину, огромную кипу материи: несколько десятков брюк или пальто вызываются сразу к бытию. Скольжения его легки и великолепны, ему это не стоит никакого труда. Сопротивление материала уничтожено, инерция и плотность перестали существовать. Это рождает уважение и зависть.

Ничто не имитирует так, как ускорение обычных, хорошо знакомых процессов труда. Когда работа, в которой участвуют движения пальцев, пусть искусных, но неизбежно ограниченных в своей быстроте и силе, когда труд, которому как будто сама природа велела быть ручным и медленным, становится механическим и получает эту легкую, неосмысленную ни с чем живым стремительность, редко кто уклоняется от возгласа удивления. Показывая этим же людям работу ротационок или мозаичный набор, — они поразят их гораздо меньше, потому что большая часть из них никогда не видела типографии и не знает, как производится набор вручную. У них нет масштабов для сравнения. Производность химического завода или электростанции, изучившая в для человеческого, не имеет прообраза в ручном труде. Она воспринимается так же, как астрономические цифры, соотносительность которых не может быть мною представлена. Расстояние до Луны кажется нам больше, чем расстояние до Луны, потому что оно конкретнее: 10.000 км. и две недели пути на почтовой карете.

Работа партного цеха заковала, а вакуум в стеклянных колбах. В кожаном еврейского цеха едва ли не каждый четвертый сам занимался портняжным трудом. Ее внимание напряжено. Нож скользит под направляющей рукой работого. Хлопают тяжелые прессы. Они раскрывают горячую требовательную пасть, и рабочий укладывает туда свеженькие атлас брюки. Он это делает, как пекарь, вдвигающий хлеб в печь, или как повар, ставящий в духовую жаркое, — вот штаны будут выпуты и подданы на блюде, как фаршированные. Пресс с силой захлопывается рабочим, брюки остаются прять и жариться; обаяченный повар бежит к другой духовке и откидывает крышку. Жаркое готово. Дымящиеся и прессованные штаны демонстрируют свою чистоту. Кажется даже, что они подрумянились. Между прессами и публикой устанавливается близость. Эта техника понятна, домашняя и немного забавна. В ней нет пугающего волшебства кроличьего пояса. Она вызывает к себе добродушную нежность.

Между нашими соседями завязывается разговор.

Один из них — старик в очках, по виду добродушный и улыбающийся, из тех, что в свое время интересовались политикой и с азартом спорили в спальнях о Дрейфусе и Кронгере—называет с гордостью цифру работающих на фабрике — 1.600 человек. Другому, помоложе, с остренькой седеющей бородкой, почему-то на Рейнке-лиса, цифра почему-то кажется невероятно высокой. Старик начинает горячиться и ссылается на свою тюрьму, который работает на фабрике. Он прибавляет даже, что это количество — ничто в сравнении с тем, что будет к концу пятилетки, когда число рабочих возрастет в несколько раз.

Рейнке-лис скептически улыбается.

— Ваш шурин назорное преувеличивает.

Разговор делается бурнее и привлекает к себе общее внимание. Скептик сомневается во всем: в количестве рабочих, в возможности достать столько квалифицированных специалистов, в выполнимости цифр пятилетки.

Старик в очках оскорблен до того, что в начале даже пинкстен дара слова. Он смотрит на скептика с укоризненным удивлением, как на нечистого духа, который открыто передергивает карты.

— Для того чтобы стоять у пресса, совсем не нужно быть портным. А для работ посложнее всегда хватит своей тяжелым трудом.

— Ваш шурин назорное преувеличивает.

Разговор делается бурнее и привлекает к себе общее внимание. Скептик сомневается во всем: в количестве рабочих, в возможности достать столько квалифицированных специалистов, в выполнимости цифр пятилетки.

Старик в очках оскорблен до того, что в начале даже пинкстен дара слова. Он смотрит на скептика с укоризненным удивлением, как на нечистого духа, который открыто передергивает карты.

— Для того чтобы стоять у пресса, совсем не нужно быть портным. А для работ посложнее всегда хватит своей

* Из книги «Деревянный ключ», выходящей в издан «Федерация».

„СТАРИК ОБОЖАЛ ИСКУССТВО"

О СТАТЬЕ ВЯЧ. ПОЛОНСКОГО „КОНЦЫ И НАЧАЛА"

Вяч. Полонский относится к числу критиков, не торопящихся со своими высказываниями по острым вопросам литературы. Он обычно предпочитает много молчать, выслушивать других и лишь после этого выносить свое решение. Так было с дискуссией о Перевале. Так было с дискуссией о творческом методе пролетарской литературы (выступления статьи Полонского азнаменовали в проспекте «Нового мира» на 1931 год). Не мало споров вызвала проблема литературного попутничества в реконструктивный период. И вот теперь, когда эта проблема—в ее принципиальной постановке — немного прояснена, Вяч. Полонский выступает в № 1 «Нового мира» со статьей под интригующим заголовком: «Концы и начала». Заметки о реконструктивном периоде советской литературы.

Однако, медлительность Вяч. Полонского в объективировании своей точки зрения на страницах печати, мешает

Рис. К. Елисеева

„МУЗЫ РЕВОЛЮЦИИ"

„Их голос груб, руки мускулисты, а кожа покрыта загаром и пылью"...

быть объясненной различными причинами (например, тем, что Полонский—«старый медицинский по темпу», как формулировала анкетическая анкета одного из кабинетов при клубе ФОСП), в малой мере напоминает вылет небожительницы совы Минервы при наступлении сумерек. Как известно, почтенная птица отличалась жестью выводов и правильностью доводов. Этого, к сожалению, нельзя сказать о Полонском.

Первое впечатление, которое получает читатель от «Концов и начала», сводится к тому, что Полонский вступил в свой реконструктивный период. Он взлетает,—пусть не новые для читателя, но необычные в таком знакомом контексте,—мысли по поводу реконструктивного периода и выкорчевывания корней капитализма. Нарушив свой традиции, он изъясняется классово-решительно и классово-не примиренно, он отказывается от свойственного ему либерально-меценатского подхода к литературной действительности,—«третьего не дано»,—заключает он свою статью критиком и попутнической литературе. Рафинированное барчаньство и снобизм как будто покинуты им. Он пишет о «музах революции» так: «их голос груб, руки мускулисты, а кожа покрыта загаром и пылью*. Образ «мускулистых рук» рефреном проходит через всю его статью. Перестраиваться трудно, как пишет сам Полонский. Поэтому можно было бы простить некоторую... неуклюжесть ряда определений, например: «В корне изменилось положение женщины. Из объекта «страсти нежной» она превращается в деятельного субъекта лирики и страсти». Заявления о том, что Октябрьская революция «непосредственно не затрагивала глубоких и коренных установок интеллигентского мировоззрения», можно было бы объяснить... плохим пером. К таким же пошлостям пера можно было бы отнести определение поэзии Клюева, как «тихого (!) увлечения» (!!). Многое можно было бы простить Вяч. Полонскому, если бы... если бы внимательный читатель не различил за «мускулистыми руками» наскоки ложной, лишь перекрашенной на изнанку, прежней концепции Полонского.

Вяч. Полонский поставил перед собою задачу дать широкий литературно-политический разрез нашего литературного сегодня, обнажить основные тенденции литературного развития и определить для него генеральные прогнозы. Особенно внимание вам автор уделил проблеме буржуазной и попутнической литературы. На них-то мы и остановимся, обходя на сей раз молчанием и на получения места замечания Полонского, посвященные литературе пролетарской и крестьянской.

Определить «концы» и «начала» в попутнической литературе, — это и значит определить тенденции классовой борьбы в ней, схватку старого и нового, остатками капитализма в социализме. Нельзя сказать, что Полонский начисто забывает о классовой борьбе. Нет, он помнит о ней, но помнит «в меру»—в меру необходимости дать те или иные статистические детали и сохранить «классово-нейтральную» фразеологию.

Всюду всего, крайне приметательно обходится Полонский роли и места искусства в первом разворотном социалистическом наступлении. Полонский не раз подчеркивает, что есть определенное искусство, что не все музы вмешивают при разговоре пушек, что некоторые музы предпочитают говорить и даже спевают в борьбе (музы с «мускулистыми руками»). Но такое заверение есть лишь дань фразеологии. Общий тон у Полонского—явно растерянный и извиняющийся. «Что я могу поделать? Искусство страдает, но таковы законы революции»,—как бы бормочет он. «Когда говорят пушки, молчат музы», — приходит он известный вывод, а тут же вновь спохватывается его: «Но в нем—поэзия книги». И в другом месте: «Когда стоит вопрос о индустрийке мира, «шопот, робкое дыхание» могут подождать. От этого страдают лирики и даже сами женщины? Что ж делать. Закон революции—выше всяких законов». Что же касается Пушкина, то «в нашу эпоху Ф. Тютчев был бы несчастным человеком. Фет умел бы в молчании».

Мы не думаем, чтобы переживающий в наши дни Фет «умел бы в молчании». Его «муза» обращена к «роскошному дневному» жизнь этим своим лицом, которой пренебрегает. Такие «музы» молчат лишь тогда, когда на одет на рот «пулеметный» замордник. В прочих случаях они говорят — и еще как! Эмигрантское творчество М. Цветаевой и Бунина дают тому блестящие образцы. Вот почему никакого ущерба для искусства диктатура пролетариата не приносит. Искусство революции (если пользоваться этим расплывчатым и условным термином) не теряет, а выигрывает от выпадения из него эпигонов Фета, ибо только оно, это искусство, поднимно в революционную эпоху. Отмирает не социальная часть искусства,—отмирают рудиментарные отростки его, бесполезные и даже вредные для искусства в условиях осуществляющегося социализма. Следуя логике Полонского, следовало бы сказать: «Страдает сама наука,—что вы поделаешь? Страдает сама философия. По таков закон революции». А между тем ни наука, ни философия, ни искусство отнюдь не «страдают»: они лишь очищаются от Колдратьевых, от Лосевых, от Марии Цветаевых. Экая беда!

Однако, виноватый вид Полонского никак не случаен,—он закономерно вытекает из его общего представления о ходе литературного развития. Полонский не может не понимать, что искусство одного класса сменяется искусством другого класса, одна классовая идеология в искусстве — другой, но у него нет понимания того, что в определенные эпохи один классовый отряд искусства представляет линию прогрессирующего вырождения и распада, в то время как другой отряд единственно представляет восходящую линию, подготовляющую «новый шаг в художественном развитии человечества» (Ленин). Не понимая этого, Полонский дает извращенное представление о принципах классовых действий в смежной литературе, об отличии буржуазной литературы от попутнической.

«Тема о старом и новом человеке — центральная тема советской литературы... Именно по этой линии нетрудно провести разграничительную черту между литературой буржуазной (и новобуржуазной), попутнической и пролетарской».

1. «Буржуазная и новобуржуазная литература целиком на стороне старого человека. Она живет не новым опытом, но запасом данных впечатлений, инерцией, традициями ушедшей эпохи».

2. В попутнической литературе «уже происходит борьба в традициях».

3. И, наконец, в пролетарской литературе, «традиция» преодолевается.

Чем же характеризуется старый человек в определении Полонского?

«Старый герой был индивидуалистом... Любил предаваться размышлениям... Стремился познать мир... Говорил: мир и я, противопоставляя себя миру... Много времени отдавал личным чувствам, личной жизни, поискам личного счастья... Старик любил удариться в сентиментальность, воспарить над книжкой... Всмотрел разум, поклонялся вместе с тем бессознательному, загадочному, тайному, незнакомому... Был эстетом... Обожал искусство независимо от того, куда оно вело... Таков этот старый человек, старый герой литературы, модернизированный Карамзин, мечтатель-индивидуалист. «Часы его сочтены. Он сходит со сцены как центральная фигура литературы,— вещает Полонский.—А рядом с ним, принимая точнейший платок к слезам, уходит и старая героиня», его подруга жизни».

Какой «точнейший» образ! Но какое отношение он имеет к классовой борьбе в литературе? Разве этот герой живет в буржуазной (и новобуржуазной) литературе? Разве этот герой вдохновил украдкой контрреволюционера. Именно в романе «Чьи силы», или Замятина в «Мы», или Пильняка в «Красном дереве»? Разве буржуазная значность в литературе—в том, что писатель отстаивает право на сентиментальность, а не в том, что буржуазная литература, активизируясь, является агентурой мирового империализма, пропагандистской идеологии дворцовых актов, трибуной контрреволюции? Протестарит мог бы спокойно доверить защиту своих интересов в литературе... Полонскому, если бы в ней врагом социализма был сентиментальный старик, безобидный чудак, от которого пахнет нафталином и который грустно («Точнейший платок!») уходит в исторической сцены. Разумны, интервенты, кредители—это в политике. А в литературе их соответствуют «старики», «обожающие искусство» и «любящие воспарить над книжкой». Так изображает дело Полонский.

Но может быть мудрая схема Полонского поможет нам разобраться в попутнической литературе? Мы установили, какие черты присущи «старику». Установим теперь, чем характеризуется «молодой»?

Ну, конечно, новый герой лишен «вкуса к индивидуализму», он хочет перестроить мир, он «не знает, что такое сентиментальность. Он суховат, жестоковат, не любит отрываться от действительности, хотя раздвигает ее пределы дальше тех, о которых мечтал его предшественник... Он рационалист по преимуществу... Он относится к искусству критически». Словом, словом, «там, где его предшественники ставили знак плюс, он ставит минус». Именно он входит в творчество попутчиков, единоборствуя со «стариком», и полком господствует, по утверждению Полонского, в пролетарской литературе.

Забудем за минуту, что у него нет «вкуса к индивидуализму», и постараемся припомнить, кого из героев попутнической литературы он напоминает. Сомнений нет. Это—купец Сахалин из «Транзвааля» Федина. Восстановив теперь его антиindividуализм. «Молодой» становится делягой Бабичевым из «Самого» Олеши. То, что Полонскому показалось новым героем, было лишь проекцией буржуазных влияний на попутническую литературу. От былых своих либерально-эстетических увлечений Полонский повернулся на сто восемьдесят градусов, и «жестковатого» и «суховатого» дельца превратил в «нового героя». Сложный переплет классовых сил, воздействующих на литературу, «вывел» из поля зрения Полонского.

Изольте, например, разобраться при помощи этого метода в таких произведениях, как «Средний Проспект» М. Слонимского или «Аггофелес» Н. Тихонова. И немудрено поэтому, что Полонский рассматривает процессы, происходящие в советской литературе в реконструктивный период, под углом зрения мифических «традиций», «гуманизма», «психологизма» и т. д., якобы существующих и понимаемых и держащих в плену добрую долю попутчиков,—да и не только их. Даже на «Разгроме» Фадеева, утверждает Полонский, еще чувствуется влияние этих традиций. Возможно ли, однако, сравнить гуманизм Белинского с «гуманизмом» защитника кулака или интервента? Можно ли без тени юмора говорить здесь о наличии преемственной линии развития?! Можно ли всерьез заявлять о том, что борьба классов в литературе сводится к борьбе двух тенденций — продолжения «литературных традиций» и отталкивания от них? Полонскому может казаться, что подобная концепция основана на учете специфики литературы, которую любят забывают «молодые пролетарские критики». Но никакого понимания литературной специфики тут нет, а есть лишь дилетантская барская болтовня.

Попутничество переживает сейчас наиболее трудный период перестройки. Думающие, что путь превращения попутчика в литературного союзника может быть пройдет «в два счета», ошиблись. Участие в писательских бригадах и современной тематике само по себе ничего не решают и могут стать отпиской и отговорочкой, если работа по перестройке не сопровождается глубоким пересмысливанием своего отношения к миру, переделкой всего мировоззрения. Мы вошли в такой период литературного развития, когда стабилизация попутнических колебаний («на то, мол, и попутчик, чтобы колебаться») начинает означать уход в лагерь буржуазной литературы. Различные оттенки левого крыла попутничества различными дорогами приходят в лагерь литературных союзников. Но к счастью для советской литературы, не один из этих отрядов не движется по «суховатому» и «жестковатому» маршруту, намеченному Вячеславом Полонским.

Рассыпав перед попутчиками букет любезностей, Полонский кончил тем, что оставил их перед разбитым корытом. Проблема будущего очень остро стоит перед ними. Две исторические перспективы тут возможны: переход на позиции пролетариата и вступление в литературу социализма, либо уход из литературы вообще. Есть все основания утверждать, что основной массе попутнико-попутнической литературы—без попутников прежнего периода, эволюционирующих в сторону буржуазии, без приспособленцев и приспособителей — пойдет по первому пути. Другого взгляда придерживается Полонский. «Иные из попутчиков могут бесконечно близко подойти к пролетариату. Для некоторых возможен даже переход на пролетарскую точку зрения». И—для крепости—он повторяет снова: «для некоторой части попутчиков — наиболее талантливых, наиболее честных, наиболее преданных революции и пролетариату — не невозможна перспектива окончательного перехода на точку зрения пролетариата».

Не невозможна! Для некоторых! Для многих! В порядке исключения! А как же быть с большим ядром попутнической литературы? Какая же уготована для него печальная судьба?

Печальная? Новые подробности! И тут мы возвращаемся к началу статьи, к «шопоту и робкому дыханью». Сейчас не до того,—утверждает Полонский,—сейчас говорят пушки. Гетчес был бы глубоко несчастен. «Не пробил час, когда пролетариат может сделать их («звуки сладкие и молитвы») литературным орудием своего наступления». Такой час пробьет. И тогда в месту придутся и «шопот», и «робкое дыханье». Вы еще пригодитесь—конечно сдержанно робкое дыханье, говорит Полонский попутчикам, сопротивляющимся перестройке, укрепляя их в этом сопротивлении.

Таков объективный, независимый от самых лучших намерений Полонского, вывод из его рассуждений.

***

«Никакого нового искусства не будет и не может быть вне того и помимо того нового, что приносит с собой революция. «Концы» и «начала» непримиримы. Третьего не дано».

Так заканчивает свою статью Вяч. Полонский.

Мы уже видели, о каком «новом» и о каком «старом» шла речь.

Мы—словами Полонского—определили сущность «концов» и «начала».

Мы установили, что оппортунизм в вопросах литературы (и в анализе литературы попутнической в частности) спутывает все действительные перспективы и линии размежевания, пролетариат переделка попутничества, стабилизует поступков ко его «переходитчестве» и, давая мнимые решения вопросов, намечает фальшивые маршруты движения.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

Рис. К. Елисеева

„КЛАССОВЫЙ ВРАГ"

„Старик обожал искусство"...

* Курсив в цитатах всюду мой. — А. С.

„СПЕКТОРСКИЙ" Б. ПАСТЕРНАКА

Как известно, Б. Пастернак работал над «Спекторским» несколько лет. Он закончил его прошлым летом, после значительной переделки.

На днях, после авторской читки, «Спекторский» был обсужден на собрании, созванном в ГИХЛ редакцией отдела поэзии.

Новая вещь Пастернака, которую И. Уткин называет романом в стихах, автор — стихотворной повестью, а Мих. Светлов — не романом и не повестью, а «большим количеством хороших стихов на одну тему», — вызвала много сомнений на внутриредакционных совещаниях в ГИХЛ. Много разноречивых оценок вызвала она и на этом совещании.

*

И. Уткин отмечает в «Спекторском» наличие импрессионистских элементов, слишком первую, психологичную поэтическую сферу, движение зыбь, которое демобилизует. Изощренный язык «Спекторского» — лексика рафинированной интеллигенции — выдвигает вопрос:

— Куда пойдет эта вещь, по какому сердцу она ударит?

*

— У Пастернака никто ничего не может украсть, — говорит Виктор Шкловский.

— У него строка держится за строку; в следующей строке использован второстепенный признак образа из предыдущей строки и это цементирует всю вещь, держит ее внутренними скрепами. А если поэма в 1.200 строк «держится», как единое целое, — значит налицо высокое качество произведения.

*

— Вещь не должна быть только хорошей, — напоминает Михаил Светлов,—она должна быть интересной.

— «Спекторский», — говорит о Пастернаку, — это наиболее хорошая, но наименее интересная наша вещь, она не энергична, как обычно.

И в этом смысле «Лейтенант Шмидт» — значительно выше.

*

Задачу, которую ставил себе, Борис Пастернак, работая над «Спекторским», он формулирует как стремление

— изобразить перелом очевидности, дать общую сводную картину времени, «естественную историю быта».

Нужно признать: эта задача — показать «воздух эпохи» — не решена в «Спекторском».

«Спекторский» — поэма бесспорной, очень большой, поэтической ценности. Но от изощренной вязи ее стихов веет упадком, ущербом, осенними мотивами: и не случайно давлеют в «Спекторском» образы осенней природы — камень, сырость, дождь.

И этот стиль не в силах передать «воздуха» нашей эпохи.

Д. КАЛЬМ

УДАРНИК ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОМОЩЬ УДАРНИКАМ СОВЕТСКОГО ТРАНСПОРТА

ЛИТБРИГАДА ТУЛЬСКОЙ АПП НА ТРАНСПОРТЕ

Транспорт болен. Транспорт мешает выполнению поставленных задач. Больны пути, паровозы, составы, цехи, депо. И люди больны, не умеющие перестроить транспорт. Страна забила тревогу. Брошены лучшие силы партии и рабочего класса на ликвидацию прорыва на транспорте. Пролетарии Тулы бросили ударные бригады из ударников оружейного завода, патронного завода и других. Штурмовые бригады брали приступом депо, пакгаузы, дороги, товарные дворы и тупики. Бригады овладевали сердцем транспорта — паровозом. Прорыв под натиском бригад сдавал одну за другой позорные позиции. В этом штурме участвовала первая литературная бригада тульской АПП. В бригаду вошли рабочие-ударники тульских заводов. Для бригадников, работа на транспорте была первым творческим опытом.

Опыт удался. Бригада после ряда выездов на транспорт дала местной печати четкий рабкоровский материал о прорыве в штурме. Бригада стихами, лозунгами, частушками и эпиграммами дралась за здоровый транспорт. Бригада поставила себе задачей выступления на рабочих собраниях, в клубе в цехах и проведение призыва ударников в литературу.

Ниже мы печатаем материал бригады. Опыт тульской бригады должен стать достоянием всех рапповских организаций.

Лучшие силы ударников-рапповцев должны быть брошены на транспорт.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ФАКТ

1 марта поезд с жирнурухом на Москву был, несмотря на протесты машиниста, направлен начальником станции ТУЛЫ в... Ясную Поляну.

Пути в атаку штурм берет,
Мы побеждаем бездорожье,
Но... кто-то там впустую бьет,
И штурм — трудней, дороже.

Какой-то глупый главмастак,
По злобе, сдуру, или спьяну,
Прочев «к Москве», сказал: «Ак, так,
Катитесь в... Ясную Поляну».

Печальный факт, хоть прямо плачь,
Но оно не стоит пить тут много:
Коль дураком гуляет «нач»,
Так... поумнеть должна дорога.

ЛИТБРИГАДА ТАПП НА ТРАНСПОРТЕ

О БОЛВАНКАХ

В токарном цехе депо ст. Тулы рабочие получили чертежи деталей без указания размеров.

Шпиндель вместо готового литья делается из... болванок.

— Да чертань, Вась, такой чертеж?!
— Да чертань, Митрич, нижамеры?!
— Ни капли... мать, не разберешь!
— Ну, дело... мать, да где ж размеры?!
— Вот муки, братец. «Шпинделек
Точить придется из болванки»...

Кто транспорту наносит рывок
Болванки, или же... болваны?!

ЛИТБРИГАДА ТАПП НА ТРАНСПОРТЕ

ТРЕВОГА

Крик разорвался
взрывом фугаса,
Красной тревогой
среди бездорожья:
— «Откройте ворота
углю Донбасса,
Ворота откройте
руде Криворожья».

Горы угля
на полуночных шахтах,
Рыжей руды
в эстокадах завал...
Транспортник, ты
большевистскую вахту,
Ты пятилетку
два года проспал.

Рвется
в вокзальные двери тревога,
Мечется в строчках
газетной заметки:
— «Дайте дорогу,
дайте дорогу
Мощному транспорту
пятилетки»...

Транспорт сутулит
строительству плечи,
Домны бросает
и в холод, и в жар...
Видишь, как плохо
и медленно лечит
Наши составы
ремонтный пар?

Видишь, как горы
прекраснейшей стали,
В длинный черед
из-за транспорта стали?
Рвется тревога
разрывом фугаса:
— «Откройте ворота
руде Криворожья,
Ворота откройте
углю Донбасса».

ЛИТБРИГАДА ТАПП НА ТРАНСПОРТЕ

„ХАТА С КРАЮ"

БИБЛИОТЕКИ НЕДООЦЕНИВАЮТ ТВОРЧЕСТВА РАБОЧИХ УДАРНИКОВ

РАПП перестраивает свою работу, ставя во главу угла воплощение рабочего ударника в литературу; растут творческие литературные кружки на производстве; хозяин страны—пролетарий—смело входит в мало знакомую до сих пор область.

Издательством ВЦСПС выпущена дешевая серия первых книжек рабочих-ударников, которым посвящена уже не одна критическая статья, не один десяток решений. Задача библиотек широко популяризировать, довести до рабочего читателя эту серию книжек, но большинство московских библиотек пробывает в неведении относительно значения книжек ударников, в самого признака.

При клубе металлистов завода имени Калинина и завода «Металлокомпас» литкружок довольно исправно работает уже несколько месяцев, а библиотека лишь собирается устроить полку литкружкова, где будут выставлены и книжки ударников.

Зав долго роется на полках и в своей памяти. Он радостно извлекает сборник «Донбасс ударный» и... воспоминание о том, что «при организации викторины как будто фигурировали и книжки ударников».

Иначе работает библиотека клуба «Каучук». Библиотека проявляла активное участие в организации литкружка, широко популяризируя книжки ударников. Серия, изданная ВЦСПС, была закуплена библиотекой в большом количестве и благодаря своей дешевизне смогла быть бесплатно розданы по цехам.

Меньший размах работы имеет библиотека фабрики «Москвошвей № 3», но и здесь книжкам ударника оказывается должное внимание.

В библиотеках районного масштаба сплошь и рядом по наспыхе знают о книжках ударников. Так обстоит дело и в Арбатском филиале Московской областной библиотеки. Оказывается отсутствие связи с производством, с рабочими литкружками. На полках и щитах библиотеки им. Ключевского (Пролетарский район) книжки ударников имеется, но дальше индивидуального обслуживания читателя работа не идет. Рекорд побила библиотека Краснопресненского районного дома комсомола. Заведующая «не знала» о существовании серии книг, выпущенных ВЦСПС, несмотря на то, что в этой же комнате прямо стола зава помещается районный штаб по призыву ударников в литературу!

Вывод ясен: недооценка библиотеками литпродукции рабочего ударника является тревожным симптомом. Библиотечным работникам следует обратить самое серьезное внимание на ликвидацию этого прорыва.

М. Б.

ПРОРЫВ в ГИХЛ

ОБ'ЕКТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ НЕ УМАЛЯЮТ ВИНЫ ПРАВЛЕНИЯ

БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ И БЮРОКРАТИЗМ НА ФАБРИКЕ КНИГИ

С каждым днем увеличиваются кадры читателей, расширяется кругозор рабочего читателя и его потребность в идеологически близкой, грамотно изданной и технически хорошо оформленной книге. Издание, продвижение и пропаганда книги — это ответственный участок фронта культурной революции.

Коль процентов промфинплана

Создание объединения государственного издательства художественной литературы должно было несомненно улучшить работу фабрики книги.

Что же мы имеем в ГИХЛ? Не только прорыв в планировании, но и та жестокая кризис, в связи с уроком бумажной нормы, проведенная ОГИЗ. Конечно, ссылкой на «объективные причины», он в свой мере нельзя оправдать прорыв ГИХЛ. В самом аппарате издательства не хватает бюрократизм, формализм, бесхозяйственность, отставание от темпов и задач реконструктивного периода.

На 1931 г. ГИХЛ имеет на книжную продукцию 160 млн. листов-оттисков, а отдел современной русской литературы — 7,3 млн. В то же время, по плану редакции ГИХЛ на 1 января 1931 г. 25 млн. листов-оттисков. От Книгоцентра имеется уже заявка на переиздание 5.815 тыс. листов современной русской литературы (это только 30 проц. плана заявок).

При такой годовой бумажной норме отдел современной русской литературы абсолютно лишен возможности реализовать имеющийся у него редакционный и производственный портфель, что ставит издательство перед необходимостью растрещить ряд договоров с авторами. Редакция лишена возможности печатать новые рукописи и, наконец, вопрос о переиздании даже наиболее ценных произведений откладывается на неопределенный срок.

По серии «классиков» редакция должна прекратить дальнейшее издание полных изданий Пушкина, Л. Толстого, Чехова и др. И здесь ГИХЛ не выполнит обязательства перед подписчиками, понесет убытки.

В таком же положении находится и школьная серия современных писателей.

Наиболее серьезный прорыв — на фронте ликбеза. За 1931 г. ГИХЛ выпустит только 30 книг художественной литературы для малограмотных, которым удастся удовлетворить только 300 тысяч читателей-малограмотных, что составляет ничтожный процент по отношению к общему количеству малограмотных в СССР.

В результате редакция отдела современной русской литературы фактически почти не может заключить договора с авторами на новые произведения. Ряд писателей в виду невозможности печататься в ГИХЛ уходят в другие издательства («Федерация» и др.) и ставят перед редакцией вопрос о расторжении договоров.

Редакция отдела современной русской литературы, не сумев превратить ся в организационный центр писательских кадров художественной литературы, стоит перед очевидной угрозой закрытия — таков вывод даже самих работников ГИХЛ (ученого секретаря редколлегии ГИХЛ, т. Херсонской). ОГИЗ, до сих пор никак не реагировал на это.

Самый аппарат издательства до сих пор не сумел перестроиться. Об этом говорят первые сводки о выполнении редакционного плана ГИХЛ по отделу современной русской литературы за январь и февраль 1931 г. По серии школьной библиотеки современных писателей, библиотеки малограмотных, серии классики и новинок иностранной революционной литературы за январь и февраль [illegible] ни одной книги. По линиям [illegible] литературы выполнение за эти два месяца только [illegible] проц., [illegible] — 11 проц.

В общем положение дело и с переизданиями. В то время как школы, техникумы, тысячи малограмотных за неимением бумаги остаются без нужных им учебников и книг по литературе, издательство находит возможным переиздавать ряд книг, помимо обычных изданий, и в Ленинской библиотеке ОГИЗ (3.000) и в массовой библиотеке. Это особенно подействовало на массовых работников редакции ГИХЛ, обсуждавшего этот вопрос. Но вместе с этим, в плане переиздания ГИХЛ, по заявлению самих работников редакции т. Тарасенкова, нет ни одной книги из серии творчества народов СССР.

Задерживают выпуск проекта программы

Надо отметить ненормальное отношение работников ГИХЛ к работе сектора пролетарской литературы. Здесь был на месяц задержан выпуск книг Л. Авербуха, В. Киршона, А. Афиногенова, В. Луговского и др. В частности, редакция литературоведения и критики из плана изданий на 1931 год из 1.075 авторских листов предусматривает выпуск только 214 листов библиотеки «На литературном посту». Все это говорит о недооценке руководством ГИХЛ значения ведущей роли пролетарской литературы.

„Роман-газета" должна выходить

Совершенно недопустимо положение с «Роман-газетой», которая с 1931 года прекратила свое существование. Издательство «Московский рабочий» выпускало «Роман-газету» в количестве 24 номеров в год с тиражами до 100.000, а в некоторых случаях и до 250.000. «Роман-газета» располагала полностью, в ней печатались лучшие произведения художественной литературы. Она пользовалась правильные и интересные формы работы и связи с массовым читателем и имеет многочисленные одобрительные отзывы рабочих.

Сокращение Госпланом бумажной нормы ГИХЛ в первую очередь ударило по «Роман-газете». Несмотря на то, что в производстве уже находятся три произведения: Ф. Гладкова «Новая земля», Л. Леонова «Соть» и Г. Мельникова—«Саматрой», ни одна из этих книг не выпущена из печати.

Рабочий редакции ГИХЛ ограничился пока только протестом против закрытия «Роман-газеты» и предоставляет поставить этот вопрос на секретариате РАПП.

«Роман-газета» должна выходить. Этого требует рабочая общественность. ГИХЛ должен провести жесткий пересмотр листажа своих изданий и найти бумагу для выпуска «Роман-газеты».

Большой вопрос в ГИХЛ и до линии выпуска героических изданий. За [illegible] 22 [illegible] ГИХЛ [illegible] [illegible] [illegible]

Послеоктябрьская армянская литература

На докладе Н. Дабагьяна в Комакадемии

Свой доклад тов. Дабагьян построил на громадном материале, и это отразилось на стройности изложения и на четкости выводов. По-видимому все же удалось воссоздать картину исторического развития армянской литературы и состояния современной литературы Армении.

Армянская пролетарская литература, возникновение которой можно отнести к концу XIX века, когда в лице Акоп Акопяна пролетариат выступил уже как «класс в себе», смогла получить массовое развитие только после Октябрьской революции. Создание журнала «Мурч», сгруппировавшего вокруг революционную пролетарскую литературу — было в истории армянской литературы эпохой, аналогичной в роду «Звезды» в русской литературе.

Во время War оживляется буржуазная литература. Писатели, которые встретили революцию злым отрицанием (Новосьян, Исаакьян), организуют смиховский «союз армянских писателей», по своей идеологии смыкавшийся с устряловщиной.

Об'ективно буржуазным течением была и так называемая армянская зарубежная, отличавшаяся от русской тем, что она отрицала возможность создания пролетарской литературы будто бы только в Армении.

Рост пролетарской литературы, — от сборников и альманахов «Мурч», — переходящей в революционном новаторстве, к «таборам» стрелкам, создает возможность организации группы напостовства (журнал «На литературном посту»).

Проблемы, которыми заняты пролетарские писатели (Акоп Акопян, Аллаян, Аракс, Ашот, Витуш, Мкртич Армен, Овик Меликсян, Нагри Зорин и др.) чрезвычайно разнообразны. Тема о революции и гражданской войне, тема нового Востока, тема новой деревни, семьи быта, тема строительства и т. д. — все это интересует и занимает пролетарскую литературу. На примере одного из крупнейших армянских писателей «армянского Маяковского» — Эгише Чаренц, который является революционным поэтом-поэтом, перерастающим в пролетарского писателя, докладчик показывает, как революция часто воспринимается как разрушительная стихийная сила, что является не пролетарской трактовкой темы.

Н. Дабагьян

Точно так же, если сейчас в изображении Востока, армянская литература далека от буржуазного орнаментализма дореволюционного периода (Рафий) и если, несмотря на некоторые формальные влияния переходной литературы, она в большом интересуется революционным новым Востоком, пронизанным духом империализма, — то иногда все же, — например, в романе того же Чаренца «Страна Наири» заметны сожаления и тоска по уходящей старой культуре.

Темы строительства начинают входить в литературу Армении (роман Аллаяна «На пути» — большой шаг вперед в литературе Армении), но все же рабочий еще не стал центральной фигурой армянской литературы.

В прениях выступали пролетписатели Мартин Армен, Сираз, О. Меликсян и др. М. Армен эскизным очерку, данную в докладе мелкобуржуазной группе «Ноябрь», считая ее пролетарской. О. Меликсян, говоря о Чаренце, допустил перегибы при определении его социального лица. Заключительное слово уточнило и использовало вопросы, поставленные в докладе и обсуждавшиеся в прениях.

С. КАР.

Пролетлитература Узбекистана на новых путях

На секретариате ВОАПП

Пролетлитературное движение Узбекистана начало развиваться только с 1930 года. До этого времени в литературе Средней Азии были особенно сильны антисоветские буржуазно-националистские элементы. Эти элементы опирались на литературоведов «Казал-Колеем». После ликвидации этой контрреволюционной литературы и была создана узбекская АПП.

В настоящее время УзАПП об'единяет 5 местных организаций — свыше 200 человек. Правило в рядах УзАПП 33 рабочих от станка. В Ташкенте организовано 13 кружков, из них 7 узбекских.

Об этом сообщил в своем докладе на пленуме ВОАПП представитель УзАПП тов. Голодович. Выступление в прениях тт. А. Селивановский, М. Юрин, Ив. Макарьев, А. Сурков, Дабагьян отметили, что ВОАПП должен обратить серьезное внимание на работу в Средней Азии. Поставлен вопрос о широком развертывании работы УзАПП и создании Средне-Азиатской АПП.

Поэзия узбекских бакши

Сотрудники из Узбекистана научный работник т. Зарифов сделал недавно в фольклорном кабинете ГАИС доклад о исчезнувших там певцах-Маскитчах. Это так называемые бакши-сказатели. Их осталось всего 27 человек. Они все неграмотны, но за последние годы научным отделом узбекского Наркомпроса и научно-исследовательским узбекским институтом записано с их слов до сто печатных листов.

Бакши являются не только хранителями народного эпоса. В наши дни они продолжают, правда в традиционной манере, создавать новые эпические произведения на современном материале.

Особенно интересен сказатель Огиль-Пулькан. Во время империалистической войны он был мобилизован и создал затем очень интересную поэму «Мерды-Кара» («Наемный рабочий»). Не такой поэзией и поет кулачество во время империалистической войны и местных конечных народов в 1916 году и отказ на обязательную эвакуацию. Второе произведение Огиль-Пулькана «Камбекалтыр» (кабельник-батрак) отражало уже новую жизнь Средней Азии. — исчезнувшую эпоху, раскрепощение женщины, отмирание кулачества как класса.

Другой бакши — Фаиз пел темой своего произведения «Огиль-Кемаль», победу советской власти над басмачеством, дехканским баями и феодалами. Наконец, бакши Иргаш в настоящее время сочиняет поэму «Владимир Илья Ленин».

Все эти произведения чрезвычайно интересны среди трудящихся Узбекистана. Было бы крайне интересно перевести на русский язык хотя бы отрывки из них.

СКАЗ

Не смешно... «ВОПРОС РЕБРОМ» в Московском Театре Обозрений

Публика в «Театре Обозрений» очень снисходительна и благодушна: если смеется, то больше из вежливости, если хлопает, то чтобы поддержать падающего духом актера. Возможно, — это из уважения к тем лучшим дням на Никитском бульваре, когда в тесном зале «Дома печати» театр показывал отличные пародии, щедрой рукой разбрасывая со вкусом отобранные шутки и остроты.

Как же так случилось, что по дороге с Никитского на Тверскую театр растерял все свои драгоценности? Мы не хотим сказать, что товарищи из Театра Обозрений вовсе лишены дарования, вкуса и выдумки. Все это, пожалуй, есть, но мелькает случайно и неожиданно, как огонек в лесу, чтобы опять потонуть в дремучей чаще скуки и безрадостности. Не надо быть гурманом от искусства, чтобы почувствовать в спектакле густой капустный запах кустарщины. Не надо быть зорким, чтобы заметить унылый дух ремесленничества, вместо творческой находчивости, легкости, свежести. Впечатление такое, что театр решил во что бы то ни стало, все три часа под ряд схватить публику. Поэтому у спектакля такая нестерпимая слабка, принужденное и холодное веселье. Если хотите — «три часа глазная беда театра вообще». «Театру Обозрений» пора догадаться, что он не в силах «развлечь» целый вечер, хорошему хватает только на полчаса, на полтора часа, на два одинаковых сеанса, наконец, — увы! — театр по-детски упрямится: «Хочу быть большим!»

Во всяком случае, это очень мало со стороны театра, что он тоже отмахнулся на вопрос о кадрах, запальчиво требуя ставить этот вопрос ребром.

Публика, правда, недоумевает, где, например, сам в сатирическом монологе над отпрыгивающей школой. «Были тогда безобразные задачи: купец купил поменьше продал, из крана льется вино»... В чем сатирический смысл простого перечисления задач Евтушевского? Есть, товарищи, этот смысл, но для обнаружения его требуется актерское перевоплощение, не оказавшееся в Московском Театре Обозрений и оказавшееся в... Ленинграде.

Да, в ленинградском Малом-Холле нам довелось видеть обозрение «Вопрос ребром» — только под другим названием. Актер Утесов сопровождает текст богатой гаммой интонаций: каждая из них — намек. «Купец купил» — это полон восторга и умиления. Зрителю, начинающему уже ощущать «голь» монолога, ленинградский текст приходит на помощь. «Такие сейчас изменились нравы» — с двусмысленной иронией произносит Утесов. — «Где (саркастический залп и жест гневно) купец купил?! Сколько... заплатил»...

Есть, как видите, сатирический смысл, только направленный совсем по другому адресу.

Допустим, что это случайная обмолвка актера, после чего он снова рукой «стаскивает бросает уже недумышленное слушание». Все дело в них, сказанное, так сказать, вслепую.

Звучная дама преподносит зрительницам, разборчиво писать в любовных письмах «твоя Зина» или «твоя Маня». Потрясающая дама переборчиво написала в любовном письме свое имя. Ветренная не сумела впоследствии доказать свое право на алименты.

Вероятно, из уважения к столетней давности этой остроте в публике необщее почтительное молчание.

А вот другая острота — на тему о художественных кадрах. Художник зло высмеивает приятеля-кубиста. Приятель так увлекается кубами, что не признает ничего круглого, даже бильярд, потому что они — ха-ха — круглые! Бляхи!! Убийственная издевка над кубизмом!

Упрямый кварта «быть, как варвалие», заставляет, конечно, выжиться, надуваться, всячески протянуть роковые «три чеса». В той же мастерской художника, мастера, еле сдерживаясь, чтоб не умереть со смеху, сует приятелю под сидение палитру с красками, по забывается, сам садится и — ха-ха-ха — пачкает брюки. Ребром поставлен здесь вопрос о негодности наших художественных кадров!

Кстати, самое глупое и бессмысленное в пирке, когда Бим пытается выдернуть из под Бома стул, но забывается, и сам падает на землю. Пожалуй, автор зарвался, что он не первый в мировой драматургии заимствовал. До него Шекспир заимствовал у Марло, Мольеру же заимствовавшему сразу у Плавта и Боккачио, принадлежит значительная фраза: «Я везде беру свое добро». Театр Обозрений смело может защищаться этой фразой: он действительно берет свое добро.

В начале обозрения (а не только в начале) полторы дюжины серьезных людей изящное время бессмысленно вертят ногами и руками. Допустим, что это танец. Может быть в нем есть какой-либо сатирическая идея? Не приметчик. Вероятно, сами движения создают художественное впечатление? Никак. В таком случае, это демонстрация красного и здорового тела? О, нет. В нем же дело? — почти сердится зритель. Все в том же: в претензии на — «пеший вечер».

Критика наших недостатков в обозрении произносится почему-то всякого рода чуждыми элементами. Кто-как, — мы не питаем уважения к этим непроцеженным прокурорам. Пусть критикуют «свои». В обозрении есть «школа Бридоглядова», где обучают бюрократизму, рвачеству, подхалимству: без них, оказывается, не сделаешь советской карьеры. Грустный факт, подчеркнутый буржуазный молодой человек добросовестно и усердно обучается подхалимству... Странно, странно. Получается, что молодой человек — благородно горд, независим, но — что поделаешь, — советская жизнь! — приходится быть подхалимом. Дурной, политически подозрительный душок в этом месте.

Порой, нет — нет, а мелькает что-то незаурядное. Маленькая девочка, бессмысленно хлопая глазками, лепечет сказку. Сатира над детскими авторами создана только актрисой — непосредственной имитацией Рины Зеленой — и режиссером Лебедевым-Кумачем, выручившим актера... Лебедева-Кумача. В историческом музее поклонная дама, демонстрируя пышны, [illegible] в старину держали хозяин [illegible], добавляет: «но, обратите внимание, какая фигурированная работа!». Но — настоящее, это — царства. Только почему в таком астро-дефицитном количестве? Нарочитая слепка свежа и подгнила: рыцарь в блестящих кухонных доспехах, доспехи в предлинных колпаках («пилка пляжных колпаков»), живые-радостные кармелиты-домохозяйки с вениками вместо кастальет... Вот почти весь актив обозрения. Жидковато. На четверть сеанса пряд ли хватит.

Театру следует экстренно задуматься над своим будущим. Предыдущее обозрение почитется, было не лучше нынешнего. Еще два таких спектакля и придется ставить о театре... вопрос ребром.

Ю. ЮЗОВСКИЙ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Комиссия по изучению сатирических жанров Академии наук СССР (КСАЖ) приступила к организации специального кабинета, где предполагается сосредоточить материалы по теории и истории сатирических жанров как в мировой литературе, так и в других видах искусства.

Кабинет собирает, приобретает и берет на учет: соответствующие коллекции, отдельные монографии, сборники, комплекты и отдельные номера иностранных сатирико-юмористических журналов (Lebetteln Kente, Le Charivari, L'Asine, Punch, Simplicissimus, Kladderadatsch, Eulenspiegel (1848-53) и др.), альбомы, ноты и пр.

Просьба ко всем учреждениям и лицам, имеющим у себя указанные материалы, поставить в известность Комиссию по адресу: Ленинград, Академия наук, КСАЖ, А. А. Морозову.

Академик А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

1931. 6 марта. Ленинград.

Извещения

* 16 марта, в 17 часов вечера, в помещении завкома Электросилы состоится первое заседание Комиссии МАПП по проверке стажа «Постройки».

Явка членов кружка «Постройки» — обязательна.

* 19 марта, в 18 ч. — собрание литбригады при газете «Правда» (Тверская 48, клуб рабкоров).

* 19 марта, в 19 ч., в помещении МАПП (клуб ФОСП, ул. Воровского, 52) отчетное заседание Секции детских писателей МАПП. Подготовка выездного заседания секции в Бауманском районе. Творческие планы. Разбор книги Ошиповой — «Мишка».

* 20 марта, в 19 ч. в Краснопресненском Райбюро МАПП (Большевская, 13) состоится первое собрание творческого актива литкружков района. Беседу проведет т. А. Фадеев на тему о том, как он работал над «Разгромом» и над «Последним из Удэге».

* 20 марта, в 18 ч. в помещении МАПП (ул. Воровского 52) заседание методического сектора. Выдвигаются следующие т.т.: Плакидин, Кацыр, Белецкий, Сидоров, Жуковский, Семенов, Кожина, Маргулис, Выгрубов, Шейнкман.

* 20 марта, в 18 ч. — производственное совещание творческого актива литкружков Сокольнического района и редакция журнала «Молодая гвардия» (Б. Черкасский 6). В повестке дня: «Задачи поэзии в итоги производственного литературного соревнования РАПП» — доклад А. Суркова.

* 20 марта, в 19 ч. Детская секция ВССП (Дом Герцена, комната № 16).

* 21 марта, в 19 ч. в клубе ФОСП (ул. Воровского 52) — собрание творческого об'единения МАПП «Выдвиженская смена». Обсуждение нового романа М. Плаксина — «Рожденные фронтом».

* 22 марта, в 19 ч. в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52) расширенное заседание рабочего редсовета ГИХЛ с МАПП, МОКП, ЛОКАФ и писателями. Повестка дня: 1. О приеме ударников в литературу (доклад т. Кириллова). 2. О работе рабочего редсовета ГИХЛ (доклад т. Пахомова). На заседание приглашаются рабочие литкружковцы, писатели и представители редакций.

* 22 марта, в 19 ч. в ГАИС (Воздвиженка, 16) — продолжение прений по докладу т. Амаглобели «Театр народов СССР». Вход свободный.

* 23 марта, в 18 ч. — выездной президиум МАПП на заводе № 1 (Ленинградское шоссе, клуб им. Авиакина).

В Сокольническом Райкоме комсомола (Русаковская 23) работает литературная консультация по 8, 5, 7, 13, 15, 17, 23, 25 и 27 каждого месяца с 17 до 20 ч.

ПОПРАВКА.

В № 14 «Литературной газеты» из рецензии т. Юзо о спектаклях Театра Красной армии выпал ряд абзацев и отдельных фраз, весьма нужных для понимания практической установки автора.

КАЛЕНДАРЬ РАБОТЫ КЛУБА ФОСП

19 МАРТА. — 20 ч. Концерт артистов радиоцентра. О. Амаглобели (пение), А. Габриэльян (скрипка), А. Зябкина (рояль). В программе: Вагнер, Григ, Шопен, Ариэ, Паганини и др.

18 МАРТА. — 19 ч. Президиум совета ОРД.

19 МАРТА. — 19 ч. Эсперантисты. Семинар пропагандистов.

20 МАРТА. — 20 ч. Вечер, посвященный юбилею Парижской коммуны и 12-летию Венгерской коммуны. Ораторы: А. Гедеон, В. Ивлиев, М. Залка, Н. Матейка, Колонер, Клебер, Бела, Кунич и др.

20 МАРТА. — 19 ч. Альманах «Вчера и сегодня».

20 МАРТА. — 19 ч. Эсперантисты. Вечер разговорной практики.

21 МАРТА. — 20 ч. Вечер творческой дискуссии. Афиногенов «Страх».

22 МАРТА. — 19 ч. Кружок «РООТ».

22 МАРТА. — 10 ч. утра. Президиум правления клуба.

22 МАРТА. — 19 ч. Кино-секция ВОПИ и МОПКИ.

23 МАРТА. — 19 ч. Всесоюзное совещание сценаристов. Всероссекомдрама.

23 МАРТА. — 18 ч. Лекция МОПКИ.

23 МАРТА. — 19 ч. Выездной президиум МАПП на заводе № 1.

Накануне всесоюзного производственного совещания сценаристов

За новые кадры авторов кино

Киносценаристы никогда не могли похвастать вниманием к ним со стороны кинорганизаций и советской общественности.

За последнее время в связи с сокращением программы выпуска фильм, недостаточное внимание к сценаристам заменилось **их игнорированием** — с одной стороны, и паническими настроениями в среде определенных групп киносценаристов, — с другой.

Мы не можем согласиться с утверждениями, будто имеется избыток сценаристов. Достаточно указать на положение в Белоруссии, где нет киносценарных кадров, где до последнего времени сценарным делом «управляли» пацисиал-демократы и... великодержавные шовинисты (см. «Рабочий театр» № 5, выступление директора кинофабрики Белгоскино), где нужно создавать кадры киносценаристов.

Москва и та не может похвастать особым обилием собственно-сценаристов. Из общего числа членов и кандидатов московской киносекции Всероссекомдрама «чистых» сценаристов (т.-е. сценаристов, пишущих только сценарии), всего 31 человек. Если учесть крайнюю необходимость специализации киноработников, отказа от универсализма в этой области, то станет ясно, что о перепроизводстве сценаристов говорить нельзя.

Мы утверждаем, что даже сейчас, при суженном плане выпуска кинофильм, **фабрики далеко не обеспечены сценариями.** Сценаристов, могущих выполнить производственные планы фабрик, очень мало. Об этом много говорилось на производственных совещаниях сценаристов Ленинграда и Белоруссии.

Старое оппортунистическое — «ритинское» — руководство Союзкино тормозило развитие кинопромышленности. Новое руководство приступило к созданию широкой базы для развития кино. Постройка двух фабрик кинопленок и трех фабрик кинолаборатории и запасных частей к ней открывает широчайшие перспективы для развития кино. Уже сейчас требуются громадные кадры работников кинематографии, в том числе и сценаристов.

Существовал, да и существует ошибочный взгляд, будто «кинсценарист может стать всякий». Грубое заблуждение! Не то, что «всякий», но даже не каждый писатель-драматург может стать сценаристом без соответствующей подготовки. Сценарист должен обладать не только качествами литератора, но и специфическими знаниями. Тогда не требуется такой органической связи писателя с производством, как в кино.

Подготовка новых кадров сценаристов из призванных в литературу работников ударников и колхозников, переподготовка и перевоспитание **старых киносценарных кадров**, дрейфующих в кино писателей — вот очередные **неотложные задачи.**

Проблема творческого метода в кино ставится по-настоящему только сейчас, только теперь мы подошли к постановке вопроса об усвоении сценаристом диалектико-материалистического метода в искусстве. Говоря конкретнее, требуется **марксистско-ленинское перевоспитание киносценариста.**

Нельзя писать о нашей эпохе крушения капиталистического мира и строительства социализма, нельзя в буднях социалистической стройки увидеть социалистическое завтра, не будучи марксистом-ленинцем, не проникшись философией пролетариата, не владея методом Маркса—Энгельса—Ленина, методом диалектико-материализма.

Всесоюзное производственное совещание киносценаристов, созываемое Всероссекомдрамом, в центре внимания станет **проблему киносценарных кадров.** Под этим **основным углом** зрения будут рассматриваться стоящие на совещании вопросы.

Кино в реконструктивный период, эпохи диалектического метода в кинотворчестве, место сценариста на производстве, проверка выполнения решений партсовещания по делам кино, правовое положение сценаристов — все эти вопросы сводятся к одному.

— каким образом **обеспечить переквалификацию старых** киносценарных кадров, **подготовить новые** сценарные кадры из рабочей и колхозной молодежи, каким образом обеспечить кинопромышленность такими сценаристами, которые смогут дать подлинно пролетарские фильмы, которые смогут превратить кино в мощное орудие большевистской агитации, в меткое оружие культурной революции.

М. РОССОВСКИЙ

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек»

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ О ПИСАТЕЛЬСКОМ ТРУДЕ

ПРИМЕЧАНИЯ А. ЕФРЕМИНА

(МАССОВАЯ КРИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА „НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ"

Тираж 25.000 Стр. 64 Ц. 25 к.

ГИХЛ НОВАЯ КНИГА

МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ

РОСТ

Массовый орган пролетарской литературы

Выходит два раза в месяц. Продолжается подписка на 1931 год.

Подписная цена: 12 мес.—3 р., 6 мес.—1 р. 50 к., 3 мес.—75 к.

Подписку сдавайте на почту и письмоносцам. Переводы в Изд-во направлять по адресу: Акционерное О-во «Огонек», Москва, Страстной бульвар, дом № 11.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских писателей

ВЫХОДИТ КАЖДЫЕ 5 ДНЕЙ

Подписная цена: 12 мес. 1 р. 50 к. 6 мес. 1 р. 75 к. 1 мес. — 90 к.

ПОДПИСКА НА КОМПЛЕКТЫ „ЛИТЕРАТУР ГАЗ." ЗА ЯНВАРЬ ФЕВРАЛЬ МАРТ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ

Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК» — Москва

ГИХЛ КНИГОЦЕНТР

НОВЫЕ КНИГИ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

БЕДНЫЙ Д. Полное собрание сочинений. Редакция, примечания и заключительная статья А. Ефремина. Том. XVII. Стр. 275. Ц. 1 р. 75 к.

ЛУГОВСКОЙ В. Большевикам пустыня и песчы. Очерк. (РАПП. Новинки пролетарской литературы). Стр. 71. Ц. в пер. 1 р.

САЯПОВ В. Собрание стихотворений. В двух томах. Том 1. Стихотворения (1925—30). (ЛАПП. Современная пролетарская литература). Стр. 160. Ц. 1 р. 10 к., в пер. 1 р. 70 к.

СКЛЬВИНСКИЙ И. Рекорды. Стихи и поэмы. Стр. 104. Ц. 2 р., в пер. 2 р. 25 к.

АНОС И. Днепрострой. Очерки. Стр. 101. Ц. 90 к.

ДОБРЖИНСКИЙ Г. Владимир Равноапостольный. Исторический роман. Стр. 349. Ц. 2 р. 65 к.

ПРОТВА Н. Где сходятся берега. Повесть (ЛАПП. Современная пролетарская литература). Стр. 146. Ц. 1 р. 50 к.

САПШКОВ Г. Тропический рейс. Стр. 84. Ц. 60 к., в пер. 1 р.

ТУМАНДРИН М. Дели и люди. Очерки. (На фронтах пятилетки). Стр. 61. Ц. 12 к.

ПЕРЕИЗДАНИЯ

БЕДНЫЙ Д. Темы. Редакция и примечания А. Ефремина. Изд. 2-е. Стр. 72. Ц. 60 к.

ВЕНУС Г. Война и люди. Семнадцать месяцев с дрозофилами. Предисл. Б. Завадовского. 4-е изд. Стр. 238. Ц. 2 р.

ЛАВРЕНЕВ Б. Собрание сочинений. Т. II. Седьмой спутник. Рассказы. Стр. 352. Ц. 2 р. 70 к., в пер. 3 р. 15 к.

МАКАРОВ Д. Стальные ребра. Роман. Стр. 340. Ц. 2 р. 50 к.

ПЕРЕВОДНАЯ

БАРТА А. 350.000. Рассказ-хроника из жизни страны электромарксизма. Перевод с чеш. А. Зеленской. (Новинки иностранной революционной литературы). Стр. 64. Ц. 60 к.

ГОЛД М. Еврейская беднота. Авторизов. перев. с англ. (с рукописи) М. Волосова. Стр. 308. Ц. 2 р. 40 к.

УПИТ А. Рассказы о пастырях. Перев. с латышского Э. Сильвана. Стр. 224. Ц. 1 р. 80 к.

ЭЙДЕМАН Р. На заре. Рассказы. Перев. с латышского О. А. Эйдемаг. Под ред. автора. Стр. 136. Ц. 1 р.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

БОРЬБА ЗА МЕТОД. Сборник лекций и статей о творчестве Д. Фурманова, А. Серафимовича, Ф. Гладкова, Ю. Либединского, А. Сурова, В. Маяковского, Ф. Шиллера, Л. Толстого, Н. Островского, Б. Чужакова. Стр. 340. Ц. 2 р. 50 к.

ГОРБАЧЕВ Г. Полемика. Стр. 175. Ц. 2 р.

МАЙЯЕЛЬ М. Краткий очерк современной русской литературы. Ц. 1 р. 65 к.

ИЗДАНИЯ „АКАДЕМИИ"

РУССКИЕ И НАРОДНЫЕ СКАЗКИ. Баба и мужик. Под ред. и с предисл. Ю. М. Соколова. (Сокровища мировой литературы). Стр. 212. Ц. 1 р. 50 к.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ В МАГАЗИНЫ И ОТДЕЛЕНИЯ КНИГОЦЕНТРА и в „КООПКНИГИ"

ПЕЧАТАЕТСЯ № 1 МАССОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

БОРЬБА КЛАССОВ

Орган Общества историков марксистов при Коммунистической академии ЦИК СССР.

Под общей редакцией М. Н. Покровского.

Содержание: М. Покровский — Ленин и история. М. Горький — Перед великой эпохой мировой истории. Ем. Ярославский — Ленин и вера. Н. К. Крупская — Об Ильиче. Д. Кин — Ленин и Маркс. А. Ханкин — Феликс Кон. — Кнорин и Шаумяны. К. Радек — В плену у Гинденбурга. Московские меньшевики в Октябре 1917 г. (Документы предательства). Е. Драбкина — Меньшевики и интервенция.

К 60-летию Парижской коммуны: П. Лукин-Антонов — Новая коммуна. А. Молок — Бисмарк и интервенция. А. Шестаков — Казнь Александра II и др.

В отделе документов неопубликованные письма В. И. Ленина к М. Н. Покровскому. На донесений царского посла о коммуне.

В. Хейнуд — Идеи у [illegible] и [illegible] [illegible].

Из иностранной [illegible]: Н. Фридлянд — «Клио» Матиеза. С. Уманов — Реакционная выдумка [illegible].

Кроме того в номере отделы: Как заниматься по истории, история и искусство и т. д.

Журнал богато иллюстрирован.

Приложение: серия исследований в 24 [illegible] популярная иллюстрированная библиотека

„ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ"

в 24-х книгах, которые [illegible] вопросы мировой истории. «Всемирная история» выходит под общим руководством М. Н. Покровского.

Подписная плата: «Борьба классов» без приложения: год — 10 р., 6 мес. — 5 р. 50 к., 3 мес. — 3 р.

«Борьба классов» с марта до конца года с приложением «Всемирной истории» в 24-х книгах — 24 руб. Допускается рассрочка: при подписке — 6 р., к 1 мая — 5 р. 50 к., к 1 июня — 5 р., к 1 сентября — 5 р. 50 к., к 1 ноября — 4 р.

Кроме этого от «Борьбы классов» к приложению «Всемирной истории», для лиц, не [illegible], получает бесплатно 2 художественные исторические [illegible].

Подписку сдавайте [illegible] почту или письмоносцам.

Акц. Изд. о-во «Огонек». Москва 6, Страстной б. 11.

Ежемесячный орган Всероссийского, Московского и Ленинградского Обл-советов О. Д. Д.

ДРУГ ДЕТЕЙ

Ответственный редактор О. Д. КАМЕНЕВА.

Журнал, как и общество „Друг Детей", является центром мобилизации сил и средств пролетарской общественности на помощь делу коммунистического воспитания и пионер-движения.

* Журнал рассчитан на широкий актив членов об-ва „Друг Детей" и деткомиссий, комсомольские и пионерские организации работников-матерей и т. д.

С 1 ноября 1931 г. журнал выходит в издании Акц. Изд. Об-ва „ОГОНЕК"

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 1 год — 2 р. 40 к., 6 м. — 1 р. 20 к., 3 м. — 60 к.

Подписку сдавайте только на почту или письмоносцам.

ГИХЛ КНИГОЦЕНТР

ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ МАССОВЫЙ ЖУРНАЛ МАРКСИСТСКОЙ КРИТИКИ

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ

6-й год издания

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ, РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМ и ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ №№ 4 и 5

В номере 4-м

В. Ермилов. — Философия и литература. В. Бонч-Бруевич. — Ленин о поэзии. Производственное совещание очеркистов. М. Лузгин. — За боевой пролетарский очерк. В. Ставский. — Об очерке и очеркисте. Б. Галин. — За добавленность очерка. Г. Адарх. — Самоходом в Тверского бульвара. С. Гаврилов. — О творчестве С. Гриценьева. А. Макеенков. — Как сплавы делают сталь. В. Залесский. — В чем ошибки критики Б. Горбатова. Л. Коган. — О творчестве Г. Шпагина. Новые книги. Стихи — С. Шведова. Карикатуры — Кукрыниксов.

В номере 5-м

А. Селивановский. — Творческие пути [illegible] поэзии. Ф. Шиллер. — Гейне и рабочий класс. И. Нельнов. — Философия и литературоведение. Я. Органицкий. — Заметки о «Последнем из Удэге». В. Коваленко. — Комсомольское литературное движение на Украине и «Молодняк». Заметки — 1) Саморазоблачение Пильняка и Замятина. 2) За самокритику против самоновольства. 3) О критике уклонистов и нетрамовцев. 4) Литература в ЦСФ. 5) Радиолитература и радиобесбрания. Г. Серый. — О работах художниках. Новые книги. Хроника. Стихи А. Арзамасьского. Шаржи — Кукрыниксов.

В ВИДУ ТОГО, ЧТО ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТСЯ В ТВЕРДОМ ТИРАЖЕ — В РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ ПОСТУПАЕТ ОГРАНИЧЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ЖЕЛАЮЩИЕ АККУРАТНО ПОЛУЧАТЬ ЖУРНАЛ ДОЛЖНЫ ПОДПИСАТЬСЯ

В виду ИСЧЕРПАНИЯ ТИРАЖА подписка на январь и февраль закрыта

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА. на 12 мес. до конца года — 6 р. 30 к. на 6 м. — 5 р., на 3 м. — 2 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМА�ется Вернодесятором КНИГОЦЕНТРА: 1) Москва, Кузнецкий; 2) магаз. и отделения КНИГОЦЕНТРА в и [illegible]

САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ В СССР ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЕК

Редактор Мих. КОЛЬЦОВ.

В 1931 г. «Огонек» усилит перестройку своего лица в сторону еще большего отражения в рисунках, очерках, рассказах и других материалах всех видов нашего социалистического строительства и классовой борьбы на всем мире.

В каждом номере [illegible] очерки, рассказы, статьи и [illegible] писателей, журналистов, выдающихся деятелей [illegible], рабкоров и [illegible], отражающие [illegible] жизнь, борьбу и [illegible] масс.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: «ОГОНЕК» без приложений: год — 3 р. 20 к., 6 мес. — 1 р. 75 к., 3 мес. — 90 к., 1 мес. — 30 к.

Подписку сдавайте исключительно на почту или письмоносцам.

Переводы в [illegible] посылать не следует.

Уполн. Главлит В 1484 Типография (2) [illegible] «Мосполиграф», ул. Скворцова-Степанова, д. 6.